ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ,

основанный

РОЗОЮ ЛЮКСЕМБУРГ

и

ФРАНЦЕМ МЕРИНГОМ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 6391. II/12—VII. 23. Отпеч 5.000 экз. Петрооблит № 6841.

От издателей.

Под названием «Интернационал» предполагалось выпускать ежемесячный журнал, посвященный практике и теории марксизма. Но — по общеизвестным причинам — вышел только один этот выпуск. Мысли, высказанные в статьях этого выпуска, нашли себе полное подтверждение в современных событиях. Это обстоятельство, в связи с исторической ценностью настоящего сборника, побудило нас переиздать его.

Издательство «Футурус».

Мюнхен, 1922 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Настоящий ежемесячник создан усилиями Розы Люксембург. Но она успела написать лишь вступительную статью — «Восстановление Интернационала» — и привлечь несколько сотрудников: став жертвою пресловутого гражданского мира, она надолго оторвана от политической деятельности. Ее участь, которую мы считаем почетным отличием, должна, однако, послужить для ее партийных друзей лишним стимулом к тому, чтобы продолжать начатое ею дело, в ожидании того дня, когда она выйдет из заключения, делающего для нее невозможным какое бы то ни было сотрудничество.

Мы ставим себе ту же задачу, которую преследовал первый интернациональный ежемесячник Карла Маркса, а именно: уяснять себе смысл борьбы в переживаемую нами эпоху. Необходимость такого издания диктуется тем, что вихрь мировой войны роковым образом омрачил сознание международного и, в особенности, германского рабочего класса. Нам приходится снова прибегнуть к помощи той объединяющей, сплачивающей и скрепляющей силы, которую до настоящего времени обнаруживал марксизм во все решительные моменты пролетарской освободительной борьбы.

Программа настоящего ежемесячника, в ее несложной формулировке, сводится к разработке вопросов практики и теории марксизма.

Редакция.

1915 г.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Статья Розы Люксембург.

I.

4 августа 1914 г. было днем политической смерти германской социал-демократии и, вместе с тем, днем крушения социалистического Интернационала. Всякая попытка отрицать или затушевать этот факт, какие бы мотивы ни лежали в ее основе, заключает в себе объективно одну только тенденцию: увековечить, возвести до степени сознательного, нормального состояния тот роковой самообман социалистических партий, те внутренние пороки движения, которые привели к катастрофе, превратить надолго социалистический Интернационал в фикцию, в лицемерную ложь.

Самый факт крушения является беспримерным в истории всех веков. Социализм или империализм — этой альтернативой резюмировалась исчерпывающим образом политическая ориентация рабочих партий в течение последнего десятилетия. В особенности в Германии эта альтернатива провозглашалась, как лозунг социал-демократии, как ее понимание современного исторического фазиса и его тенденции. Так формулировался вопрос в бесчисленных программных речах, на митингах, в брошюрах и в газетных статьях.

Но вот грянула война — и формула облеклась живою плотью, альтернатива из исторической тенденции превратилась в политическую ситуацию. Перед социал-демократией встала во весь рост ею же впервые осознанная и проведенная в сознание народных масс альтернатива. И что же? Социал-демократия сдала свои позиции без борьбы, она уступила империализму поле брани. В истории человечества, с тех пор как существует борьба классов, с тех пор как существуют политические партии, никогда еще не было такого прецедента, чтобы партия, непре-

рывно развивавшаяся в течение 50 лет, выросшая в крупнейшую политическую силу и сплотившая под своим знаменем миллионные массы, в течение 24 часов превратилась, в качестве политического фактора, в нечто совершенно невесомое, как это произошло с германской социал-демократией. Пример этой партии, — именно потому, что она представляла собою выдающийся по своей организованности и дисциплинированности передовой отряд Интернационала, — является наилучшим показателем нынешнего крушения социализма.

Пытаясь как-нибудь оправдать и прикрыть красивым флером факт крушения партии, вожди ее поспешили придумать новую теорию. Автором ее является тот же Карл Каутский, который, в качестве представителя так называемого «марксистского центра», или, выражаясь языком политики, в качестве теоретика партийного «болота», уже с давних пор низвел теорию до роли угодливой прислужницы оффициальной практики «партийных инстанций» и тем самым в немалой доле подготовил нынешнее крушение партии. По этой теории социал-демократия является хотя и орудием мира, но не средством борьбы с войною. Еще определеннее высказываются по этому вопросу верные ученики Каутского в австрийском журнале «Кампф». Сердечно сокрушаясь по поводу нынешних заблуждений германской социал-демократии, они постановляют: единственная политика, подобающая социализму во время войны, это — «молчание»; социализм начнет снова действовать лишь после того, как раздастся благовест мира *). Как теория добровольных евнухов, считающих возможным охранить добродетель социализма только путем устранения его, как фактора, и решительные моменты мировой истории, эта теория страдает основным пороком всех расчетов политической импотенции: в ней счет составлен без хозяина.

Перед лицом альтернативы: за войну или против войны — социал-демократия в момент своего отказа от противодействия войне была вынуждена железной логикой исторической необходимости бросить все свое влияние на другую чашку весов, т.-е. высказаться за войну. Тот самый Каутский, который на памятном совещании фракции от 3 августа отстаивал вотирование военных кредитов, и те самые «австро-марксисты» (как они сами себя именуют), которые еще и теперь в своем журнале «Кампф» объявляют вотирование военных кредитов социал-демократической фракцией чем-то само собою понятным, и они время от времени проливают слезы по поводу националистических эксцессов социал-

*) См. статью Фридриха Адлера в январском выпуске журнала «Kampf» («Борьба»).

демократических партийных органов, а также по поводу недостаточной теоретической подготовки, обнаруживаемой последними, в особенности в тех случаях, когда требуется тончайшее расчленение понятия «национальности» и других «понятий», и являющейся будто бы причиною их заблуждений. Но вещи имеют свою логику, даже в тех случаях, когда люди хотят обойтись без нее. Стоило только социал-демократии, в лице ее парламентского представительства, высказаться за поддержку войны, и все прочее последовало само собою с неотвратимостью исторического рока.

4 августа германская социал-демократия, очень далекая от того, чтобы «молчать», взяла на себя чрезвычайно важную историческую функцию: она стала щитоносцем империализма в настоящей войне. Наполеон как-то сказал: исход сражения зависит от двух факторов: во-первых, от «земного» фактора, т.-е. характера местности, качества оружия, атмосферических явлений и т. п., и во-вторых — от «божественного» фактора, под которым надо разуметь моральное состояние армии, ее воодушевление, ее веру в свое дело. О «земном» факторе в настоящую войну больше всего позаботилась на стороне германской коалиции фирма Крупп в Эссене; «божественный» же фактор оказался, главным образом, на попечении социал-демократии. Услуги, оказанные ею со дня 4 августа и оказываемые ею еще и теперь, изо-дня в день, германскому верховному командованию, не поддаются исчислению. Профессиональные союзы с момента возникновения войны прекратили всякую борьбу за повышение заработной платы и прикрывают флером «социализма» все меры, принимаемые военною властью в целях предупреждения народных волнений. Женщины социал-демократки, забросив дело социал-демократической агитации, рука об руку с буржуазными патриотками отдают все свои силы и время на облегчение участи терпящих лишения семейств воинов. Социал-демократическая пресса, за немногими исключениями, в своих ежедневных газетах, в еженедельниках и ежемесячниках пропагандирует взгляд на войну, как на национальное и пролетарское дело; в зависимости от оборота, принимаемого войною, эта пресса либо разрисовывает опасность со стороны России и ужасы царского режима, либо разжигает ненависть народа к вероломному Альбиону, либо ликует по поводу восстаний и революций в чужих колониях, либо пророчествует о восстановлении могущества Турции в результате нынешней войны, либо обещает свободу полякам, русинам и другим народам, либо прививает пролетарской молодежи военную храбрость и героизм; короче говоря, она обрабатывает общественное мнение и народные массы в духе

военной идеологии. Наконец, социал-демократические парламентарии и партийные вожди не ограничиваются вотированием военных кредитов: они стараются подавить в зародыше всякий тревожный симптом сомнения или попытку критики, объявляя все это «озорством» (Quertreiberei), а сами поддерживают правительство и личными негласными услугами, и своими брошюрами, речами и статьями в духе чистейшего немецко-национального патриотизма. Перед лицом таких фактов невольно напрашивается вопрос: знает ли мировая история еще одну войну, в которой наблюдалось бы что-либо подобное?

Где и когда граждане до такой степени покорно примирялись с отменой всех конституционных прав, как с чем-то вполне естественным? Бывало ли где-нибудь, чтобы оппозиция пела хвалебные гимны строжайшей цензуре печати, наподобие того, как это делают некоторые газеты германской социал-демократии? Никогда еще война не находила таких Пиндаров, никогда военная диктатура не встречала такого послушания. В истории не было случая, чтобы политическая партия с таким пламенным рвением сожгла все, чем она была и чем владела, на алтаре того дела, бороться против которого до последней капли крови она бессчетное число раз клялась перед лицом всего мира? По сравнению с этой эволюцией, приходится признать национал-либералов истинными римскими Катонами,—rochers de bronze. В том то и сказалась сила могущественной организации и хваленой дисциплины германской социал-демократии, что четырехмиллионная масса, по команде горсточки парламентариев, дала повернуть себя и запречь в ту самую колесницу, сокрушить которую эта масса считала задачею своей жизни. Полувековая подготовительная работа социал-демократии использована для нынешней войны: недаром профессиональные союзы и партийные вожди считают победную мощь Германии в значительной мере плодом «школы», пройденной массами в пролетарских организациях. Маркс, Энгельс и Лассаль, Либкнехт, Бебель и Зингер вышколили германский пролетариат для того, чтобы Гинденбург мог им командовать. И поскольку Германия превосходит Францию в отношении пройденной массами школы, их организованности, пресловутой дисциплины и развития профессиональных союзов и рабочей прессы, постольку серьезнее военная помощь социал-демократии в Германии по сравнению с Францией. Вместе со своими министрами, французские социалисты, взявшись за непривычное ремесло национализма и ведения войны, оказываются жалкими дилетантами, если сравнить их дела с теми услугами, которые оказывают отечественному империализму германская социал-демократия и германские профессиональные союзы.

II.

Официальная теория, приютившаяся на столбцах «Нейе Цейт» и непринужденно злоупотребляющая марксизмом в интересах партийных инстанций, нуждающихся в доводах для оправдания своей повседневной практики, пытается объяснить некоторую несогласованность теперешних действий рабочей партии с ее вчерашними словами ссылкою на то, что интернациональный социализм много занимался вопросом о том, какие меры следует принимать против возникновения войны, но не касался вовсе вопроса о том, что надлежит делать после ее возникновения *). Как девица, готовая к услугам всякого, эта теория уверяет нас, что нынешняя практика социализма находится в полной гармонии с его прошлым, что ни одна из социалистических партий не может упрекнуть себя в чем-либо таком, что могло бы поставить под вопрос ее принадлежность к Интернационалу. Но в то же время эта на редкость гибкая теория имеет наготове и достаточное объяснение для противоречия между нынешней позицией интернациональной социал-демократии и ее прошлым, — противоречия, явного для всякого, кроме слепого. Интернационал, — говорит она, — обсуждал только вопрос о предупреждении войны. Но вот, «война стала фактом», и тут выяснилось, что с момента возникновения войны социалистам надлежит руководствоваться совершенно иными правилами поведения, чем до войны. Как только война стала фактом, для пролетариата любой страны важен только один вопрос: победа или поражение. То же самое говорит и другой «австро-марксист», Фр. Адлер, выражаясь языком философии естествознания: нация должна, как и всякий организм, прежде всего отстоять свое существование. В переводе на житейский язык это значит: для пролетариата имеется не одно правило поведения, как до сих пор гласил научный социализм, а целых два,—одно для мирного, другое для военного времени. В условиях мира надлежит внутри каждой страны вести классовую борьбу, во-вне — поддерживать интернациональную солидарность; в условиях войны— внутри страны поддерживать классовую солидарность, во-вне— отстаивать борьбу между рабочими различных стран. Исторический призыв Коммунистического Манифеста получает ныне существенное дополнение и, с поправкою Каутского, гласит: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь во время мира и перегрызайте друг другу глотки во время войны!» Итак, сегодня: «бей

*) См. статью Каутского в «Neue Zeit» («Новое Время») от 2 октября 1914 г.

врага, патронов не жалей», а завтра, по заключении мира: – «примите в наши объятия, миллионные массы, наш поцелуй — всему миру». Ибо Интернационал представляет собою «в сущности орудие мира», но «не аппарат, применимый во время войны» *).

Эта услужливая теория открывает, таким образом, чарующие перспективы для социал-демократической практики, возводя чуть ли не в основной догмат социалистического Интернационала непостоянство фракции-флюгера в комбинации с иезуитизмом центра. Но это еще не все. Официальная теория, вдобавок, кладет начало совершенно новому «пересмотру» исторического материализма, — пересмотру, по сравнению с которым все попытки, сделанные в свое время Бернштейном, представляются невинной детской игрой. По этой теории пролетарская тактика до возникновения войны и после ее возникновения должна направляться по совершенно различным и даже прямо противоположным путям. В основании такого положения лежит предпосылка, что и социальные условия, определяющие нашу тактику, в корне различны в мирное и в военное время. По теории исторического материализма, в том виде, как она создана Марксом, вся дошедшая до нас история человечества представляет собою историю классовой борьбы. По пересмотренной Каутским теории материализма, к словам Маркса необходимо прибавить: исключая периоды войн. Таким образом, имея в виду периодически повторяющееся на протяжении тысячелетий войны, схему общественного развития надо представлять себе в следующем виде: период классовой борьбы, за ним — перерыв, заполненный единением классов и национальной борьбою; затем — опять период классовой борьбы, опять перерыв и единение классов, и так далее, с теми же очаровательными сменами. Основы социальной жизни переворачиваются вверх ногами всякий раз, как только возникает война, и вторично переворачиваются обратно, как только заключен мир. Это уже, как видите, не теория общественного развития «катастрофами», против которой Каутскому приходилось в свое время ополчаться вместе с другими «озорниками», это — теория развития... акробатическими прыжками. В данном случае общество движется на манер ледяной горы, плывущей в весенних водах: по истечении известного времени, как только ледяная гора пообтаяла кругом в своем основании, она переворачивается вниз головой, и эта забавная процедура повторяется периодически время от времени.

Но, во-первых, этому пересмотренному историческому, материализму резко противоречит весь известный фактический

*) См. статью Каутского в «Neue Zeit» от 27 ноября 1914 года.

материал истории, вплоть до наших дней: вместо на-спех сконструированного противоречия между войною и классовой борьбою, факты, наоборот, самым наглядным образом свидетельствуют о постоянном диалектическом переходе войн в классовую борьбу и классовой борьбы в войны и, следовательно, о внутреннем единстве их сущности. Это мы наблюдаем и в войнах средневековой истории городов, и в войнах эпохи реформации, и в войне за освобождение Нидерландов, и в войнах Великой Французской революции, и в Американской войне за независимость, и в восстании Парижской Коммуны, и, наконец, в Русской революции 1905 года. Во-вторых, и при чисто абстрактно-теоретическом подходе к вопросу, теория исторического материализма Карла Каутского не оставляет и камня на камне от теории Маркса, что явствует из следующего простого соображения. Если, как полагает Маркс, и классовая борьба, и войны не падают с неба, а вытекают из глубоких экономически-социальных причин, то они могут периодически прекращаться только при условии, если исчезают их причины. Что касается пролетарской классовой борьбы, то она является лишь неизбежным последствием эксплоатации наемного труда, во-первых, и политического классового господства буржуазии, во-вторых. Но во время войны эксплоатация наемного труда ни в малейшей степени не исчезает; наоборот, интенсивность этой эксплоатации усиливается в огромной степени в связи со спекуляцией и горячкой «грюндерства», процветающими на благодарной почве военной индустрии и вследствие нажима, производимого военной диктатурою на рабочих. Точно так же не прекращается во время войны и политическое классовое господство буржуазии; наоборот, вследствие отмены конституционных прав, оно вырастает в неприкрытую классовую диктатуру. А если экономические и политические источники классовой борьбы во время войны бьют в обществе с удесятеренной силою, то каким же образом может классовая борьба прекращаться? Далее, что касается войн современного исторического периода, то они проистекают из конкурирующих интересов различных групп капиталистов и из потребности капитала в расширении сферы своего приложения. Но обе эти движущие пружины действуют не только под грохот пушек, но и под сенью мира: тут-то именно они и подготовляют и делают неизбежным возникновение войн. Ведь война, по выражению Клаузевица (которое Каутский особенно любит цитировать), представляет собою только «продолжение политики другими средствами». И ведь именно империалистический фазис господства капитала своим соперничеством в вооружениях и превратил мир в нечто иллюзорное, установив, по существу

дела, перманентность диктатуры милитаризма, перманентность войны.

Из всего предыдущего вытекает для пересмотренного исторического материализма определенная альтернатива. Либо классовая борьба представляет собою и в обстановке войны доминирующий закон существования пролетариата, а провозглашение, вместо нее, на время войны, классовой гармонии является со стороны партийных инстанций преступлением против жизненных интересов пролетариата; либо классовая борьба представляет собою и в условиях мира преступление против «национальных интересов» и против «безопасности отечества». Одно из двух — либо классовая борьба, либо гармония классов — является основополагающим фактором общественной жизни, как в обстановке войны, так и в условиях мира. В переводе на язык практики эта альтернатива получает еще более ясную форму: либо социал-демократии придется, принеся покаянную перед отечественной буржуазией, подвергнуть основательному пересмотру всю свою тактику и свои принципы и в мирное время, чтобы приспособиться к своей теперешней социал-империалистической позиции (об этом уже заговорили в наших рядах кающиеся грешники, бывшие некогда молодыми забияками, а ныне превратившиеся в старых святош), — либо она будет вынуждена покаяться в грехах перед международным пролетариатом и согласовать свое поведение во время войны с принципами, исповедываемыми ею в мирное время. При этом все, что мы говорим применительно к германскому рабочему движению, сохраняет свое значение также и для Франции.

Интернационал либо и после войны останется кучей обломков, либо начнет возрождаться на основе классовой борьбы, на той почве, из которой он только и извлекает свои жизненные соки. Он воскреснет к новой жизни не под звуки вновь заведенной после войны старой шарманки, на которой станут бойко и непринужденно, как будто бы ничего не случилось, наигрывать старые мелодии, пленявшие до 4 августа весь мир. Восстановление Интернационала может начаться только путем «сурово-беспощадного осмеяния и отрешения от собственной половинчатости и собственных слабостей», своего собственного нравственного падения со дня 4 августа, только путем ликвидации всей тактики, усвоенной социал-демократией с того дня. И первым шагом в этом направлении является активное выступление в пользу быстрого окончания войны, а также за согласование условий будущего мира с общими интересами международного пролетариата.

III.

До настоящего времени по вопросу о мире в партии обозначилось два течения. Одно из них, выразителями которого являются член президиума партии Шейдеман, ряд депутатов рейхстага и ряд партийных газет, выдвигает, вторя правительству, лозунг «войны до конца» и ведет кампанию против движения в пользу мира, как несвоевременного и опасного для военных интересов отечества. Это течение отстаивает необходимость продолжения войны, т.-е. объективно добивается, чтобы война продолжалась «до победы, соответствующей принесенным жертвам», до «мира с гарантиями», как понимают эти слова господствующие классы. Другими словами, сторонники лозунга «войны до конца» добиваются, чтобы объективная тенденция войны, по возможности, приблизила страну к тем империалистическим завоеваниям, относительно которых газета «Пост», господа Рорбахи, Диксы и прочие пророки мирового владычества Германии откровенно высказались, что они являются целью войны. Если же не осуществятся все эти прекрасные сны, и молодые побеги нашего империализма не разрастутся до поднебесья, то в этом не придется винить ни господ из редакции «Пост», ни их подручных из рядов германской социал-демократии. Ясное дело, что для исхода войны имеют существенное значение не торжественные «декларации» в парламенте «против всякой завоевательной политики», а отстаивание необходимости «войны до конца». Война, за продолжение которой ратуют Шейдеман и иже с ним, имеет свою собственную логику, признанными носителями которой являются верховодящие ныне в Германии группы капиталистов и аграриев, а не скромные фигуры социал-демократических парламентариев и редакторов: последние только помогают первым держаться в стременах. В этом направлении социал-империалистическая линия поведения партии выражена, как нельзя более, ясно.

Во Франции партийные вожди — правда, исходя из совершенно иной военной ситуации — так же неуклонно отстаивают лозунг «войны до победного конца». Но тем временем во всех странах все яснее обозначается движение в пользу скорейшего окончания войны. Наиболее характерной чертой всех этих исканий мира является старательное придумывание всяческих гарантий мира, которых надлежит добиваться при ликвидации войны. Помимо единодушного требования отказа от завоеваний, выдвигается целый ряд новых требований: всеобщее разоружение или, поскромнее, планомерное ограничение соперничества в вооружениях; отмена тайной дипломатии, свободная для всех наций тор-

говля в колониях и много других хороших вещей. Во всех этих пунктах, имеющих целью осчастливить человечество и предупредить в будущем войны, заслуживает удивления неискоренимый оптимизм, который, уцелев в ужасающей катастрофе нынешней войны, еще сажает на могиле старых надежд цветы новых... резолюций. Если что-нибудь доказано крушением от 4 августа, так это — историческое положение, что действительной гарантией мира и действительным оплотом против войн являются не благие пожелания, не хитроумные рецепты и утопические требования, предъявляемые господствующим классам, а исключительно только твердая решимость пролетариата оставаться верным своей классовой политике, своей международной солидарности, как бы ни бушевали ураганы империализма. У социалистических партий главнейших стран, и прежде всего Германии, не было недостатка в требованиях и формулах; им не хватало способности подкрепить свои требования волею и действием в духе классовой борьбы и интернационализма. В настоящее время, после всего пережитого нами, рисовать себе работу по утверждению мира в виде попыток измышления наилучших рецептов против войны — это значило бы констатировать нечто, чреватое величайшими опасностями для интернационального социализма, а именно: что он, несмотря на суровые уроки действительности, ничему не научился и ничего не забыл.

Германия и в данном случае являет нам классический образец. Недавно в журнале «Нейе Цейт» депутат рейхстага Гох изложил программу мира, в защиту которой он, по свидетельству одного партийного органа, выступил с большим пылом. В этой программе было все, что угодно: и длинный список расположенных по пунктам «требований», долженствующих безболезненно и раз навсегда предотвратить всякие войны; и очень убедительные соображения о том, что скорый мир возможен, необходим и желателен. Только одного не было в программе,— указания, что для достижения этого мира необходимо действовать, необходимы дела, а не «пожелания»; не было также пояснения, каким образом необходимо действовать. Дело в том, что автор программы принадлежит к тому компактному большинству фракции, которое не только голосовало дважды за военные кредиты, но и отстаивало всякий раз этот акт, как политическую, патриотическую и социалистическую необходимость, и, будучи превосходно выдрессировано в новой своей роли, готово вотировать и дальнейшие кредиты для продолжения войны, как нечто вполне естественное. Но одновременное согласие на отпуск материальных средств на продолжение войны и разглагольствования на тему о желательности скорого мира со всеми его благами,

стремление «одною рукою вручать меч правительству, а в другой — держать ветку мира, помахивая ею над Интернационалом», — все это не что иное, как живой классический образчик политики «болота», теоретически пропагандируемой в той же «Нейе Цейт».

Когда социалисты **нейтральных** стран, когда участники Копенгагенской конференции самым серьезным образом считают сочинение на бумаге требований и рецептов для установления мира активным выступлением в пользу скорого окончания войны, мы имеем перед собою сравнительно невинное заблуждение. **Уразумение** важнейших моментов в нынешнем положении Интернационала и причин его крушения может и должно стать общим достоянием **всех** социалистических партий; но спасение, **действие**, которое приведет к восстановлению мира, равно как и Интернационала, может исходить только от социалистических партий **воюющих** стран. Для первого шага к миру, как и к Интернационалу, необходимо повернуть обратно с путей социал-империализма. А пока социал-демократические парламентарии продолжают вотировать военные кредиты, их пожелания мира и рецепты для достижения мира, в частности их торжественные декларации «против всякой завоевательной политики», представляют собою то же, что и «Интернационал» Каутского, члены которого «ни в чем не могут упрекнуть себя» и периодически го братаются и обнимаются, то перерезают друг другу глотки, а именно — лицемерие и, что еще хуже, — химеру. И здесь также вещи имеют свою логику. Вотируя военные кредиты, господа Гохи выпускают поводья из своих рук и не служат делу мира, а наоборот — помогают «продержаться», немногим отличаясь при этом от господ Шейдеманов, которые, отстаивая необходимость «продержаться», фактически отдают поводья и руки людям, стоящим на платформе журнала «Пост», и, таким образом, не осуществляют на деле своих торжественных деклараций «против всякой завоевательной политики», а, наоборот — способствуют разнузданию империалистических инстинктов... до полной потери крови. Здесь также имеется альтернатива: либо Бетман-Гольвег, либо... Либкнехт; либо империализм, либо социализм в понимании Маркса.

Подобно тому, как в личности самого Маркса были неразрывно слиты, поддерживали и дополняли друг друга проницательный историк-аналитик и смелый революционер, человек мысли и человек дела, точно так же и марксизм, как социалистическое учение, впервые в истории современного рабочего движения соединил теоретическое познание с революционной энергией пролетариата, осветил и оплодотворил одно другим. То и другое одинаково принадлежит к существенным элементам

марксизма; без того или другого марксизм превращается в жалкую свою каррикатуру. Германская социал-демократия в течение полувека собирала в изобилии плоды теоретического познания марксизма; их соками она вырастила могучую организацию. Но когда для нее пришел час величайшего исторического испытания, — испытания, которое она, вдобавок, теоретически предвидела с уверенностью естествоиспытателя и предсказала во всех его существенных чертах, — она обнаружила полное отсутствие второго жизненного элемента рабочего движения, — действенной воли, без которой можно только понимать историю, но не делать ее. При всей образцовой ясности ее теоретического понимания и всей ее организационной мощи, ее подхватило водоворотом истории, повернуло в один миг, как оставшийся без руля корабль, и подставило под ветры империализма, против которых она думала пробиться к спасительному острову социализма. Поражение всего Интернационала было уже предрешено этой аварией его «авангарда», его отборного, наиболее подготовленного и наиболее сильного отряда, даже если бы не было ошибок со стороны других частей.

Перед нами одно из величайших по своему значению во всемирной истории крушений, опасным образом осложнившее и замедлившее процесс освобождения человечества от господства капитализма. Но если так должно было случиться, то все же марксизм тут совершенно непричем. А все нынешние попытки приспособить его к маразму, в который впала в данный момент социалистическая практика, проституировать его для нужд продажной апологии социал-империализма, — эти попытки опаснее даже всех открытых и вопиющих эксцессов националистического угара в рядах партии; в этих попытках имеется тенденция не только продолжать скрывать истинные причины глубокого падения Интернационала, но еще и засыпать родники, из которых он может почерпнуть силы, чтобы в будущем вновь стать на ноги. Возрождение Интернационала, равно как и осуществление мира, соответствующего интересам пролетарского дела, возможно только на основе самокритики пролетариата, на основе осознания им своей силы, — той силы, которая 4-го августа склонилась, как слабая былинка от налетевшей бури, но остается исторически призванной, выпрямившись во весь свой рост, свалить тысячелетние дубы социальной несправедливости и двигать горами. Путь, ведущий к воскрешению этой силы (а не путь бумажных резолюций) и есть вместе с тем путь к миру и к восстановлению Интернационала.

* * *

Статья тов. Люксембург написана еще в начале февраля *). Так как она, находясь под арестом, не имеет возможности внести какие бы то ни было изменения в свою статью, я считаю своим долгом внести фактическое дополнение: Каутский тем временем заявил, что он не высказывался за военные кредиты. В одной своей полемической статье он сам говорит о своей тогдашней позиции: «Я считал наилучшим выходом из трудного положения — воздержание от голосования. Так как с этим не согласились ни большинство, ни меньшинство, то мне предоставлялось, на худой конец, уместным обсудить вопрос о том, чтобы решение было поставлено в зависимость от предоставления гарантий». По поводу этих слов газета «Гамбургер Эхо», из редакторов которой один, если не два, принадлежат к фракции рейхстага, замечает: «Между прочим, свидетели, заслуживающие безусловного доверия товарищи, утверждают, что на официальных совещаниях Каутский и не предлагал всерьез воздержаться от голосования. Если он это предлагал, то разве в тесной компании собравшихся за чашкою кофе безответственных лиц». На эти слова газеты Каутский ничего не ответил. См. «Гамбургер Эхо» № 50 от 28 февраля 1915 г.

Далее, необходимо добавить, что тов. Гох 20 марта был в рядах меньшинства фракции, покинувшего перед голосованием зал заседаний рейхстага: он не соглашался вотировать бюджет, а новые военные кредиты соглашался принять только в сумме 5 вместо 10 миллиардов.

Франц Меринг.

---

*) 1915 года. *(Прим. перев.)*.

КТО БУДЕТ РАСПЛАЧИВАТЬСЯ ЗА ВОЙНУ?

Статья Иоганна Кемпфера.

Когда в январе текущего года в печати появились сведения о финансовых переговорах между Россией, Англией и Францией, газета «Франкфуртер Фольксштимме» к сообщению о переговорах прибавила от себя: «Пусть они занимают и платят! Мы боремся и трудимся.» Это звучит гордо...

Однако, нам представляется своевременным и для Германии, где займы при содействии социал-демократической фракции налажены, поинтересоваться немного вопросом о платеже. Факт тот, что в капиталистическом мире война в значительной мере сводится к деньгам, а пролетариат в этом вопросе заинтересован совершенно исключительным образом, так как обыкновенно на него в первую очередь взваливается бремя платежа. Германская социал-демократия вела систематическую борьбу против милитаризма, ссылаясь в своей аргументации на связанные с ним расходы; в этом отношении она даже подчас не соблюдала меры, уделяя слишком мало внимания прочим сторонам вопроса. Но оставлять без внимания вопрос о том, кому придется возместить издержки войны, было бы в корне неправильно.

Интересующие нас финансовые вопросы теснейшим образом связаны с общими экономическими вопросами. Какие экономические последствия порождает война, — в этом мы не станем здесь детально разбираться; но мы считаем необходимым опровергнуть иллюзию, будто хозяйственный аппарат в самом деле остался невредимым. Правда, в этом хотят нас уверить не в меру бойкие критики. Им чрезвычайно импонирует то обстоятельство, что «машина работает». Так-то так. Но если насыпать в жернова кремней, то мельница также начнет очень энергично трещать, только, вместо муки, получится... песок, а мельница испортится. А «хорошая деловая конъюнктура», о которой идут вести из всех воюющих стран, именно и сводится к подобному перема-

лыванию кремней, вместо зерна. Производственный аппарат искусственно поддерживается в ходу, потому что современная война требует чудовищного количества средств разрушения, представляющих собою продукт человеческого труда. Но, с точки зрения народного хозяйства, это — безусловно непроизводительная и даже вредная затрата труда: вместо обогащения она приводит к обеднению. Миллионы людей в Европе служат делу разрушения, а миллионы других работают над изготовлением орудий разрушения. Происходит в чудовищных размерах расточение материалов и рабочей силы, в результате которого воюющие народы должны обеднеть. В переводе на деньги, считая не только прямые расходы, но и разрушения и ущерб людьми, можно оценить убытки от войны в сотни миллиардов марок.

При всем том, накопление капитала идет своим чередом. При капитализме всегда во время войны обогащались определенные группы, в особенности военные поставщики; в настоящую же войну этот процесс, повидимому, происходит в небывалых еще размерах: тут наживают миллиарды. А подобное обогащение определенных групп в условиях всеобщего оскудения возможно только за счет обнищания широких масс трудящегося населения: с одной стороны, война низвергнет в ряды пролетариата тысячи крестьян и мелких буржуа, а с другой стороны — рабочие лишатся своих скудных сбережений (причем, надо опасаться, наиболее тяжелым, роковым последствием будет израсходование стачечных фондов профессиональных организаций); наконец, помимо всего этого рабочие, вследствие недоедания, ослабеют физически, что неминуемо повлечет за собою роковые последствия, в особенности для подрастающего поколения.

При обсуждении вопроса об уплате издержек войны следует иметь в виду, что нынешняя война в большей степени, чем все предыдущие, ведется в кредит. Денежное обращение принимает совершенно своеобразную, уродливую форму. В распоряжение правительств воюющих государств предоставлены многомиллиардные кредиты. Разумеется, это не значит, что им вручены деньги в таких суммах: подобных сумм, соответствующих подписке на военные займы, вообще не существует. Правительствам, при помощи финансовых сделок, предоставляется распоряжение капиталом. Это тем легче осуществить, что владельцы капитала во время войны, вследствие застоя в промышленности, сплошь да рядом не находят применения для своих оборотных средств. Правительства расходуют капитал, закупая военные материалы, продовольствуя миллионы солдат, а также поддерживая семьи значительной части этих солдат. Весьма значительная доля расходуемых сумм остается в руках предпринимателей, военных

поставщиков; все остальное «потребляется», т.-е. идет на безусловно непроизводительные цели. Так или иначе, а занятый капитал должен быть возвращен с процентами, и счет будет подан после окончания войны.

Существует взгляд, что возмещение этих расходов ляжет на побежденного врага, с которого будет взыскана контрибуция. Но так думать могут только люди, не имеющие представления об экономическом и финансовом положении. Со времени Наполеоновских войн наложение контрибуции в крупном масштабе имело место только в двух случаях: Франции пришлось в 1871 г. уплатить Германии 4 миллиарда марок, а Китай после экспедиции 1901 г. был обложен контрибуцией, которой он не выплатил еще до сего дня. В Крымскую войну, в Франко-итальянскую, Испано-американскую, Трансваальскую и в балканских войнах контрибуция вообще не применялась; в 1866 г. Австрия уплатила Пруссии жалкую сумму в 20 миллионов талеров. Франции в 1871 г. пришлось принять жестокое условие потому, что она была в военном отношении разгромлена, и, кроме того, она могла согласиться на уплату контрибуции, так как кратковременная кампания причинила ей сравнительно мало ущерба в хозяйственном отношении. Она была в то время второю по богатству страною в Европе, и могла, уплатив контрибуцию, избавиться от других тяжелых условий мира. Нынешнее положение — совершенно иное: уже в данный момент все воюющие страны сильно пострадали в хозяйственном отношении; война поглощает огромные средства, и каждая из этих стран вышла бы из войны совершенно истощенной, если бы ей пришлось, кроме своих собственных, возместить расходы победителя. В результате получилось бы разорение, государственное банкротство, т.-е. чрезвычайный экономический подрыв для имущего класса данной страны. Поэтому включить контрибуцию в условия мира значило бы вызвать отчаянное сопротивление со стороны имущих; побежденная сторона приняла бы это условие лишь в том случае, если бы она подверглась полному военному разгрому и была вынуждена сдаться на милость победителя. Вдобавок, подобный экономический разгром противника неминуемо причинил бы ущерб и самому победителю. Дело в том, что, при нынешних тесных экономических взаимоотношениях между отдельными капиталистическими странами, разорение одной из них убыточно и для прочих: они теряют капитал, помещенный в данной стране, а также рынок для сбыта. Но, прежде всего, реальное положение вещей до настоящего момента таково, что, повидимому, совершенно исключена возможность полной победы одной из борющихся группировок государств, — такой победы, при которой

побежденная группа была бы вынуждена принять любые условия мира.

Территориальные аннексии вроде тех, каких требуют не в меру воинственно настроенные политики, ни в коем случае не принесли бы финансовых выгод расширившему свои границы государству, так как речь могла бы итти только о территориях, экономически разоренных войною. Если же «компенсаций» стали бы искать в присвоении колониальных областей, то такие аннексии означали бы только финансовое бремя, так как колониальные владения всегда требуют от метрополии затрат.

Таким образом, можно с уверенностью предполагать, что каждой стране, которая в результате этой войны не перестанет существовать, как самостоятельное государство, придется в конце концов самой нести расходы, связанные с войною.

Точно учесть сумму этих расходов в настоящий момент немыслимо, и прежде всего — потому, что до сих пор не видать конца войны. При всем том, мы считаем небесполезным попытаться нарисовать себе картину финансовых последствий войны, могущую претендовать хотя бы на отдаленное сходство с действительностью. Попробуем сделать это, в приблизительных очертаниях, для Германии.

Издержки войны в обычном смысле, т.-е. расходы, производимые правительством для ведения войны, точно не известны. В оценке их размеров суждения расходятся довольно сильно. В английском специальном журнале «Экономист» сумма расходов Германии на войну оценивается в 47 миллионов марок в день, т.-е. в 1,41 миллиарда в месяц. Профессор Юлиус Вольф оценивает их в 40 миллионов в день, т.-е. в 1,2 миллиарда в месяц. Если мы будем исходить из последней, более низкой оценки, то получим, по расчету за истекшие 8 месяцев войны, расход по сей день в сумме 9,6 миллиардов марок.

Для покрытия этих расходов правительство испросило кредит в сумме 20 миллиардов марок, а новый секретарь казначейства Гельферих заявил, что этой ассигновки хватит до осени. Этот кредит обходится не дешево. По займам уплачивается 5%, а покупная цена облигации — ниже паритета. Соответственно этому, в проекте общеимперского бюджета и значится круглая сумма в 1 миллиард на оплату процентов по займам в сумме 20 миллиардов. Но этим, надо полагать, не будут исчерпаны все расходы, связанные с государственным долгом: нельзя забывать о погашении долгов. Правда, до настоящего времени в финансовом хозяйстве империи в вопросе о погашениях поступали довольно беззаботно: неоднократно (в связи с «финансовыми реформами» 1906 и 1909 гг.) решали приступить к погашению,

по дальше благих намерений дело не подвигалось; фактически задолженность государства ни на ноту не убавлялась, а наоборот — в последние годы она неуклонно возрастала. Но после окончания войны продолжать такую политику станет немыслимо: не приступить всерьез к погашению долгов значило бы подорвать в корне кредит империи. Это тем более неизбежно, что, по всем вероятиям, придется прибегнуть к дальнейшим заемным операциям. Часть реализованных до сих пор займов представляет собою краткосрочный кредит под «обязательства государственного казначейства». По этой части займов должен быть произведен расчет в 1920 — 1922 гг. Весьма сомнительно, чтобы к этому сроку удалось извлечь из народного хозяйства пару миллиардов свободных денег, необходимых для погашения обязательств. Ясное дело, что придется превратить краткосрочный заем в долгосрочный. Другими словами: придется снова занимать, чтобы погашать долги, по которым наступили сроки платежей. Если мы примем ежегодно погашаемую долю за 1% с общей суммы, то, по расчету из 20 миллиардов военного долга, мы получим по 200 миллионов в год. Вместе с процентами, стало быть, потребуется после войны расходовать, по меньшей мере, 1.200 миллионов в год.

Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что отдельным союзным государствам также приходится нести расходы на войну, покрываемые займами. Правительству Пруссии разрешен кредит в сумме 1 миллиарда марок. От Пруссии не отстанут, без сомнения, и прочие государства. Надо полагать, что после войны, наконец, будут урегулированы запутанные отношения между империей и отдельными государствами. В каком бы виде это ни было сделано, но военные расходы отдельных государств, в конце концов, лягут бременем на имперские финансы: имперской казне придется платить проценты и погашение по займам отдельных государств. Таким образом, надо полагать, сумма в 1.200 миллионов марок ежегодного расхода еще значительно увеличится. Но пока не будем принимать этого во внимание.

Государству не избежать еще одного расхода: это — на обеспечение инвалидов войны и семейств павших воинов. После франко-германской войны 1871 г. из контрибуции был выделен инвалидный фонд в сумме 561 миллиона марок. Этот капитал был помещен в процентные бумаги (жел.-дорожные облигации). Но процентов не хватало для покрытия расходов, и пришлось тратить капитал. В 1911 году фонд был исчерпан; расход на пособия инвалидам 1870 г. и их семьям стали относить на счет имперской казны. В бюджете на 1914 — 15 г. на эти нужды было отпущено 27.435.000 марок. Состояло на обеспечении:

офицеров и чиновников — 2.303, фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых — 22.782; кроме того, вдов и сирот офицеров — 1.071, рядовых — 12.146, а всего 37.302 лица. Таким образом, на каждое лицо приходилось пособия, в среднем, 735 марок. Размер пособия, несмотря на повышение его по закону 1906 года, все же нельзя считать достаточным в виду падения покупательной способности денег. После войны надо с уверенностью ожидать вздорожания жизни, и ставки пособия придется повысить, иначе жертвам войны придется терпеть жестокую нужду. — Из сказанного вытекает для нас необходимость решить такую задачу: если спустя 43 года после войны, когда уже перемерло большинство инвалидов и вдов павших на войне, приходится все еще затрачивать на обеспечение пострадавших 27,4 миллиона, какова же будет сумма расхода после нынешней войны, принимая во внимание, что число участников войны в эту кампанию в несколько раз больше, что война носит гораздо более кровопролитный характер, что, в связи с методами современной войны, число солдат, оставшихся неизлечимо больными, по всей вероятности, будет чрезвычайно велико, и что, наконец, упала покупательная способность денег? Мы вряд ли впадем в преувеличение, если возьмем сумму, в 30 раз превосходящую ту цифру, которая фигурирует в нынешнем бюджете. Получается уже 723,05 миллиона марок. — Попробуем произвести расчет другим способом. Так как, по общему признанию, средняя цифра выдаваемого ныне пособия — 736 марок — недостаточна, то придется исходить в расчетах из средней цифры в 1.000 марок. Это тем более верно, что число инвалидов-офицеров и имеющих законное право на пенсию офицерских вдов и сирот будет очень велико, как абсолютно, так и по отношению к общему числу имеющих право на пособие. В этом случае суммы в 723 миллиона хватит для 723.000 лиц. В войну 1870 г. наши потери убитыми и ранеными составляли 129.700 человек. Численность действующей армии теперь, по меньшей мере, в пять раз больше, чем в 1870 г., когда на театре войны находилось, круглым числом, 1.146.000 человек. Потери тяжело ранеными в настоящее время, в виду артиллерийских боев, относительно более велики, а продолжительностью нынешняя война уже теперь превзошла войну 1870 г. Вдобавок, надо полагать, что теперь и число вдов и сирот должно быть относительно больше, потому что среди солдат теперь относительно больше семейных людей. Таким образом, предполагая, что число лиц, получивших в связи с войною право на пособие, выразится в цифре 723.000, мы рискуем, вернее всего, ошибиться в сторону уменьшения, но уж ни в коем случае не впасть в преувеличение. — Из всего этого следует, что предполагаемую

на первые годы после войны сумму в 750 милл. марок ежегодного расхода на пособия, без сомнения, следует считать скромной. Другие авторы говорят о гораздо более значительных суммах: от 800 миллионов до 1 миллиарда. Желая избегнуть обвинения в склонности к преувеличениям, мы останавливаемся на упомянутой сейчас сумме: по 750 миллионов марок ежегодного расхода в первые годы после войны.

В 20-миллиардную сумму расходов на войну включена только стоимость продовольствования армии и заготовки всякого рода военного материала. Само собою понятно, что военный материал изнашивается, и что после нескольких месяцев военных операций большая часть его, начиная с орудий и кончая портянками, потребует замены. В частности, то же самое применимо и к флоту. Здесь эта замена обойдется очень дорого даже в том случае, если не придется, как это бывало до сих пор после каждой войны, коренным образом обновлять систему морских вооружений. В данный момент о размере этих расходов трудно судить. Многое зависит, напр., от того, будут ли после уроков нынешней морской войны продолжать строить дорогостоящие линейные корабли и, наряду с ними, подводные лодки в огромном числе. Наверняка можно только сказать, что расходы в этой области будут колоссальны. Но точно также понадобится много миллиардов, чтобы вновь пополнить состав артиллерийских парков, наполнить цейхгаузы и склады, восполнить убыль лошадей, обзавестись аэропланами, цеппелинами и автомобилями. А что касается возражения, что расходы на вооружение могут быть ограничены международным соглашением, то такое возражение может исходить только от неисправимых оптимистов. В соотношении социальных сил не видно никаких изменений; после войны сопротивление милитаризму, пожалуй, даже станет слабее, чем оно было до сих пор. В частности, в Германии формально сохраняется существовавшее до сего времени большинство рейхстага, проявляющее максимум рвения в разрешении кредитов. Возможно, что прибегнут к такому приему: расходы будут распределены на более долгий промежуток времени путем выпуска новых займов; в ближайшие годы в этом случае придется обременить бюджет не полными годичными суммами расходов, а только процентами и погашением по займу. Но если принять во внимание, что после войны капитал будет вновь находить выгодное применение в индустрии и и мелкой промышленности, то осуществимость такого рода крупных займов представляется весьма сомнительной. — Повторяем, судить о размерах предстоящих новых расходов трудно. Оценивая сумму ежегодного перерасхода против нынешнего военно-сухопутного

и морского бюджета в 300 миллионов марок, мы, безусловно, берем слишком низкую цифру.

К сказанному присоединяется то обстоятельство, что военное время неминуемо порождает дефициты в имперских финансах. Правда, новый секретарь казначейства в своей речи по поводу бюджета устанавливал, что в истекающем 1914 — 15 финансовом году предвидится превышение прихода над расходом, но он тут же добавил, что этот излишек имеется только на бумаге. Вероятно, он имел в виду следующее обстоятельство: из сумм, ассигнованных в бюджете на армию и флот, освобождается некоторая доля в связи с тем, что с 1 августа соответствующие расходы покрываются не из регулярных поступлений, а из средств, добытых путем займов; таким образом открывается возможность перетасовки сметных ассигнований. Действительное же положение вещей таково. В течение восьми месяцев войны доходы имперской казны, без сомнения, потерпели огромное сокращение. Доход от таможенных пошлин, предполагавшийся по смете в сумме 713 миллионов, сократился в сильнейшей степени, так как в эти месяцы войны ввоз товаров упал до минимума и, кроме того, отменены ввозные пошлины на предметы продовольствия. Сильно должны были сократиться также доходы от косвенных налогов (на пиво, водку, табак) и, далее, от гербовых сборов (с биржевых сделок, с ценных бумаг, с векселей, с купчих крепостей). То же самое можно сказать и о поступлениях по почтовому ведомству. С другой стороны, расходы, — даже не считая прямых расходов на войну, — без сомнения, не сократились, а возрасли. Если мы из общей суммы обыкновенных расходов на 1914 — 15 бюджетный год (3.403 миллиона) вычтем расходы на армию и флот, то получим круглую сумму в 1.728 миллионов марок; это — ассигнования на содержание гражданского управления, в частности: на имперскую почту — 751 милл., на управление имперских железных дорог — 114,5 милл., на пенсионный фонд — 145,3 милл., на платежи по государственным долгам — 249,4 милл., на ведомство внутренних дел — 99,4 милл. В течение 8 месяцев войны, приходящихся на истекший бюджетный год, по многим статьям, наверно, произведены перерасходы (чиновникам, призванным в армию, все же выплачивается часть их содержания, между тем как их заместителей приходится оплачивать полностью; расходы на оплату процентов по имперским долгам растут, потому что приходится платить проценты по первому займу, реализованному в октябре, и т. д.). Поэтому весьма сомнительно, хватит ли доходов на покрытие хотя бы только расходов по гражданскому управлению. В предстоящем финансовом году (с апреля 1915 г.) положение вещей будет точно

такое же. При условии скорого заключения мира не исключена возможность покрытия возникающих таким образом дефицитов за счет разрешенных до настоящего времени займов; но если война затянется еще на несколько месяцев, то на такую возможность рассчитывать очень трудно, и дефициты придется покрывать из доходов будущих лет. Назвать конкретную сумму возникающих отсюда расходов пока невозможно.

С крупными дефицитами заключат этот год также отдельные союзные государства и коммуны. Доходы от железных дорог и рудников сократились. Сократились также доходы от прямых налогов (подоходного, поимущественного, промыслового); это неизбежно уже потому, что значительная часть цензовых элементов призвана под знамена, а у остальных доходы сократились. В то же время чрезвычайно возрасли расходы, в особенности для коммун. Здесь также придется дефициты покрывать впоследствии, путем усиленного нажима налогового пресса. О тяжелом финансовом положении многих городов уже появляются сведения в печати.

Вернемся, однако, к имперским финансам. Здесь получаются следующие приблизительные цифры. По сравнению с довоенными издержками, после войны придется расходовать ежегодно лишних приблизительно:

на оплату процентов и на погашение военного займа	1200	милл. марок,
на пособия инвалидам войны и семьям погибших	750	» »
на перевооружение армии и флота	300	» »

В итоге мы получаем излишек расходов в сумме 2250 милл. марок, причем наша оценка, наверно, не выше, а ниже действительных цифр.

Последний довоенный бюджет (роспись «обыкновенных» и «чрезвычайных» приходов и расходов) сбалансирован в круглой сумме 3.496 миллионов марок. Сюда входят, однако, не говоря уже о единовременных поступлениях (сбор на оборону и заем), ведомственные поступления, которых нельзя принимать в расчет для покрытия исчисленного нами излишка расходов. Например, доходы по почтовому ведомству поглощаются расходами почти целиком; остается небольшой излишек, на значительное увеличение которого рассчитывать невозможно. Не могут быть увеличены и доходы по административным ведомствам. Для покрытия новых расходов можно использовать только налоги и таможенные и прочие пошлины. По смете последнего довоенного года доходы из этих источников были исчислены в круглой цифре 1.715 мил-

лионов марок. Если же после войны понадобится покрывать излишек расходов в 2.250 миллионов марок, то это значит, что придется более чем удвоить доход от пошлин и налогов.

Имперские финансы, как всем известно, находятся в плачевном состоянии. Великой «финансовой реформой» 1909 г., которая свелась к повышению косвенных налогов на 500 миллионов марок, не было достигнуто «оздоровления» финансов, так как, несмотря на увеличение суммы доходов, все же не удалось без новых займов создать равновесие в бюджетах последующих лет, не говоря уже о том, что о погашении долгов не было и помину. Систематическое увеличение численного состава армии в течение последних лет потребовало расходов, все время срывавших равновесие в бюджете; покрывать расходы не удавалось. В конце концов, пришлось прибегнуть к совершенно необычному средству единовременного «сбора на оборону». Это безнадежное положение отчасти находит себе объяснение в нездоровых основах финансового хозяйства Германии, в ненормальном соотношении между финансами империи и финансами отдельных союзных государств. Но главную его причину надо искать в истощении платежной способности населения.

Оптимисты, верующие, что после войны для покрытия колоссальных перерасходов будут использованы прямые налоги, падающие исключительно на имущих, предаются беспочвенным иллюзиям. Если принять во внимание налоги, взимаемые отдельными государствами и коммунами, то прямое обложение в Германии приходится признать немалым. Повышению прямых налогов имущие классы будут оказывать упорное сопротивление, пока у них имеется большинство в ландтагах и в рейхстаге, и мы думаем, что никто не верит всерьез, чтобы после войны положение стало иным. К тому же, до 1917 г. хозяином положения остается, пока-что, избранный в 1912 г. рейхстаг, а как вело себя его большинство при распределении налоговых тягот, надеемся, еще у всех свежо в памяти. Таким образом, если не сходить с реальной почвы, то приходится считаться с тем фактом, что неизбежные, в результате войны, огромные тяготы в громаднейшей своей доле будут взвалены на плечи трудящегося населения. Открытым остается только вопрос, как это будет сделано: посредством ли простого нажима аппарата косвенных налогов, или путем введения доходных монополий. Результат же— один: доходы трудящихся масс будут вновь урезаны, государство будет урывать у них в свою пользу еще большую долю, чем до настоящего времени.

В этих условиях весьма существенное значение получает вопрос, каковы будут эти доходы после войны. Возможность

наступления кратковременного периода благоприятной экономической конъюнктуры не исключается: ведь понадобится восстановить многое, разрушенное войной. Не следует, однако, забывать, во-первых, что все страны Европы, в том числе и нейтральные, сильно пострадали от войны, что все они обеднели. По этой причине о бурном подъеме не может быть и речи. О том, чтобы повторилась ситуация, возникшая после войны 1870 г., вряд ли можно мечтать. В то время германская промышленность получила могучий толчок от только-что завоеванного политического единства, и вся Европа служила ей обширным рынком для сбыта ее изделий, так как, кроме Франции, ни одна страна не пострадала экономически от той войны. Кроме того, в настоящее время производительные силы индустрии исполински развиты. Поэтому производство очень скоро опередит потребности, которые возникнут из необходимости восстановить разрушенное и пополнить нехватку материальных благ, недопроизведенных за время войны; период подъема, спустя короткое время, сменится периодом перепроизводства. Будет ли, в этих условиях, иметь место значительное повышение денежной заработной платы, это остается под вопросом. Конечно, после войны на рынке труда число работоспособных мужчин убудет тысяч на двести. Но в наше время серьезное противодействие повышению заработной платы оказывают, даже при экономическом расцвете, с одной стороны, тенденция к замене живой рабочей силы машинами, а с другой стороны—крепко спаянные организации предпринимателей. Наряду с этим можно быть уверенным в одном, а именно в том, что дороговизна удержится и после войны. Война сильно отражается на сельско-хозяйственном производстве. России, вероятно, понадобится ряд лет, чтобы быть в состоянии снова выбрасывать на рынок прежние массы продуктов; в Польше, в Восточной Пруссии, Галиции, Бельгии и Северной Франции опустошены важные в хозяйственном отношении территории; в Германии количество домашнего скота все убывает. Вспомним, что и без того в течение последних 15 лет предложение продуктов земледелия на мировом рынке едва-едва удовлетворяло спрос, чем и обусловливалась, главным образом, дороговизна; теперь это соотношение еще ухудшится. А ведь на продовольственном рынке достаточно малейшего сдвига в соотношении между предложением и спросом, чтобы вызвать сильное повышение цен. Давно сделанное наблюдение, что война порождает дороговизну, на этот раз, боимся, будет подтверждено фактами весьма печального свойства. Повысится ли денежная заработная плата, — по меньшей мере, сомнительно, а вздорожание жизни, в связи с положением на мировом рынке, представляет собою факт не-

сомненный. Если же к этому присоединится вздорожание ряда важных пищевых продуктов вследствие обложения косвенными налогами, да еще и уменьшение доходов вследствие обложения прямыми налогами (которые, как известно, падают и на рабочих довольно чувствительным бременем), то понижение уровня жизни масс станет неминуемым. Между тем уровень жизни рабочего класса Германии уже с давних пор настолько низок, что ученые-гигиенисты с грустью констатировали упадок физических сил народа на почве недостаточного питания. За войну будет расплачиваться рабочий класс—сокращением своей жизненной силы.

КУДА НИ ГЛЯНЬ, ВЕЗДЕ СОЦИАЛИЗМ!

Статья Пауля Ланге.

Германские профсоюзы полагали, что им надлежит, в общем, отказаться на время войны от борьбы за повышение заработной платы и ограничиться отражением попыток ухудшить условия труда. Но и в этом направлении им связывает руки осадное положение. Последнее в различных частях страны применяется неодинаково: в большинстве округов собрания допускаются с разрешения властей, в других же местностях запрещаются вообще. При этом не делается различия между открытыми собраниями и собраниями членов профсоюзов. Несмотря на это, все же зарегистрированы случаи небольших «диких» забастовок, т.-е. таких, которыми не руководили какие бы то ни было организации. Газета «Бергарбейтер-Цейтунг», в номере от 20 февраля 1915 г., сообщает о трех подобных случаях, имевших место в Верхней Силезии; в одной из этих забастовок участвовало 870 горнорабочих. — Далее, германские профсоюзы пытались отстаивать интересы рабочих, как потребителей. Мы далеки от того, чтобы умалять значение этих попыток, вылившихся больше в форму переговоров вождей профсоюзов с властями, нежели в форму агитации среди масс. Но мы не можем не указать на проявляющееся стремление говорить о социальных достижениях, не существующих в действительности.

Правда, полицейский нажим на профсоюзы, как «политические сообщества», пока-что прекратился, но все же прусско-германское государство не поступилось в пользу профсоюзов ни одним из своих прав. Некий адвокат из социал-демократов, раньше сетовавший на одном из профессиональных конгрессов на испытываемые профсоюзами притеснения, недавно выразил свое удовлетворение по поводу «официального признания профсоюзов». В действительности, власти предержащие были достаточно сообразительны, чтобы привлечь свободные профсоюзы к сотруд-

ничеству повсюду, где в них оказывалась надобность для осуществления задач, диктуемых государственной необходимостью. Вот почему сейчас же после начала войны мы были свидетелями переговоров между вождями профсоюзов и представителями правительства по вопросу о привлечении рабочих к работам по уборке урожая; вот почему мы наблюдали сотрудничество представителей правительства и профсоюзов в деле обработки под картофель Темпельгофского поля и т. д. Но где считали возможным обойтись без профсоюзов, там их не привлекали. Вот несколько примеров. Имперский комитет по распределению муки состоит исключительно из чиновников и предпринимателей. В правлении Общества утилизации сушеного картофеля, в которое входят множество помещиков и Центральное бюро винокуров, мы не находим ни одного представителя рабочих; только в экспертной комиссии этого общества фигурирует имя управляющего делами рабочего кооператива; это единственная белая ворона. Так как этому обществу предоставлены от государства известные привилегии, то можно было бы предполагать, что правление его состоит не из одних производителей *). В этой компании находятся, в качестве представителей государства, несколько чиновников; но рабочие, в лице их политических, профессиональных и кооперативных организаций, не привлечены надлежащим образом. Их участие ограничивается второстепенными функциями в государственном аппарате по заготовке продовольствия и в произнесении речей по вопросу о заготовках.

*) Президиум социал-демократической партии и генеральная комиссия профсоюзов 24 февраля сочли себя вынужденными заявить протест министерству внутренних дел. В своей петиции они обвиняют Общество утилизации сушеного картофеля в содействии вздуванию цен. Далее, мы читаем в этом документе: «Но и помимо того есть основание к более серьезному контролю над Обществом утилизации сушеного картофеля. Приемы этого общества превосходят все, что мы наблюдали до настоящего времени в купеческом обиходе и в капиталистическом обороте. С каждого, вступающего в деловую связь с этим обществом, последнее требует залога в размере не менее 10.000 марок. Обществу оптовых закупок для кооперативов пришлось внести залог в сумме 50.000 марок; от Берлинского общества закупок для цеха пекарей потребовали 20.000 марок. Этими приемами исключаются из круга покупателей все мелкие предприятия и вводятся такие условия, каких не смели выдвигать даже при самых уродливых формах картелей и трестов. В министерстве внутренних дел нам в свое время объяснили, что означенное общество находится под контролем этого министерства. Но если контроль не будет производиться более серьезно и энергично, то было бы лучше, чтобы министерство возложило на само Общество всю ответственность за его действия. В этом случае Общество, вероятно, стало бы больше считаться с торговыми обычаями и с голосом общественного мнения, чем теперь, когда оно чувствует себя прикрытым крылышком государственного контроля».

Что влияние рабочих на мероприятия по обеспечению населения пищевыми продуктами было невелико, ясно из того, что предельные цены на хлеб в зерне и на картофель были установлены не согласно с их желаниями. Это следует также из того факта, что в течение первых пяти месяцев войны не была осуществлена реквизиция хлебных запасов, — мера, выдвинутая рабочими в видах удешевления предметов продовольствия. В данном случае государственное вмешательство состоялось не в интересах рабочих, а в интересах самого государства. Хлебная монополия стала необходимостью, без нее невозможно было довести войну до конца. Одно вздувание цен не давало уверенности в том, что имеющимися запасами хлеба удастся свести концы с концами. Придя к этому убеждению и ввели в январе 1915 года монополию. В феврале 1915 года выяснилась необходимость принять меры против употребления картофеля в корм скоту. Но и в этой области до настоящего времени не прибегли к реквизиции и распределению запасов, а Союзный Совет ограничился повышением предельных цен на картофель. Реквизиция облегчила бы положение народных масс, между тем как новые предельные цены падают на них тяжелым бременем.

Германская акционерная компания кожного сырья, комитеты по учету льна, каучука, джута, льняной пряжи, хлопка-сырца и конского волоса, акционерные компании химических продуктов, металлов и шерсти для военных надобностей, лейпцигское объединение шерстяной торговли и целый ряд других подобных организаций, по мнению газеты «Хемницер Фольксштимме» (номер от 10 февраля 1915 г.), имеют то значение, что «значительная часть перечисленных сырых продуктов изъята из капиталистического оборота и передана в общественное управление». С этим можно согласиться, если понимать под общественным управлением такое положение, когда действуют сообща предприниматели при участии представителей государственной власти. Я же считал бы возможным говорить об общественном управлении лишь в том случае, если бы на управление оказывали существенное влияние представители общества в целом, т.-е. народа. Этого нельзя сказать о перечисленных и вслед за ними созданных аналогичных учреждениях. Народу, несущему финансовые тяготы и приносящему в жертву своих сыновей на полях брани, не предоставлено надлежащего влияния на «хозяйственную мобилизацию», а стало быть — и на движение цен. Неужели же рабочие, именно по отношению к данным случаям, поступаются своим принципом, что необходимо повсюду путем сотрудничества заставить считаться с собою?

Таким образом, мнение, что государство во время войны сделало уступки демократии и началу самоуправления, оказывается совершенно необоснованным. Точно также и предприниматели ни на йоту не отступились от той точки зрения, на которой они стояли раньше. Их теоретики, заседающие в редакциях капиталистической прессы, неуклонно отстаивают положение, что военная служба — это общегражданский долг, из которого не вытекает никаких новых прав для каких бы то ни было групп или слоев участников войны. А с этим положением согласуют свою работу практические деятели предпринимательского лагеря. Правда, в настоящее время нет крупных конфликтов из-за заработной платы. Имеются даже созданные на время войны объединения предпринимателей и рабочих. Эти объединения не только радеют о нуждах рабочих, но и пекутся самым недвусмысленным образом об интересах предпринимателей. Они далеки от желания устранить предпринимательский барыш; они от имени рабочих добиваются организации общественных работ для бедствующих. А как только рабочие таким путем добыли себе работу, предпринимателю тем самым обеспечен его барыш. Благодаря содействию рабочих представителей в городских самоуправлениях, действительно удается здесь и там раздобыть средства для подобных общественных работ. В тех же отраслях промышленности (а их немало), где для предпринимателей нет возможности извлечь выгоду в этом смысле из подобных объединений, последние и не возникают. В этих отраслях фактически имеют место серьезные трения между предпринимателями и рабочими. В начале января 1915 г. горнорабочие в официальной жалобе министерству внутренних дел сетовали на то, что предприниматели и в настоящее время не везде отказываются от локаутов и черных списков. Транспортные рабочие горько разочарованы в своих чаяниях тем, что в Гамбурге, при назначении на этот год заседателей в морскую камеру, не прошел ни один рабочий-моряк. Гамбургская депутация по делам торговли, пароходства и промышленности, при назначении означенных заседателей, даже не предложила свободному профсоюзу моряков выставить свои кандидатуры. «Таким образом и теперь, как до войны, попрежнему орудуют клики и процветает система партийного пристрастия и протекции», — пишет «Курьер» (№ 4). Берлинское Главное Артиллерийское Управление, без предварительного соглашения с профсоюзами, предложило владельцам металлозаводов выдавать оставляющим службу рабочим свидетельства об оставлении службы, так как другим предпринимателям вменяется в обязанность принимать этих рабочих только с ясно выраженного согласия прежнего их хозяина. В Гамбурге и Штеттине

рабочим военных поставщиков сообщено, что состояние на особом учете военнообязанных действительно лишь до тех пор, пока данный рабочий работает у того же поставщика, и что учет теряет силу, как только рабочий переменил место работы, хотя бы он перешел к другой, также работающей на войну, фирме. Это предписание, явно не продиктованное военной необходимостью, открывает предпринимателю возможность устанавливать условия труда и вознаграждения по собственному ничем не ограниченному усмотрению. К чему это может привести, видно из помещенного в номере «Фольксботе», от 14 февраля 1915 г., отчета об одном собрании рабочих-металлистов гор. Штеттина. В этом отчете ставится вопрос: «Справедлива ли и способна ли привязать рабочих к предприятию практика завода «Вулкан», на котором шлифовщиков литья, вынужденных попросту бросить работу вследствие слишком мизерной оплаты, должны были заменить пятнадцать формовщиков стали, работая за плату первых в размере 37 пфеннигов в час, что означало для формовщиков уменьшение заработка приблизительно на 20 марок в неделю?» После этих слов в отчете несколько строк было вычеркнуто цензурою. В отраслях промышленности, работающих на войну, местами выплачивается более высокая почасовая или сдельная плата, чем в мирное время, так что рабочие этих отраслей, при обычном теперь более продолжительном рабочем дне, зарабатывают значительно больше прежнего. Но так обстоит дело не во всех предприятиях. Газета «Фахцейтунг фюр Шнейдер», в номере от 15 января 1915 г., жаловалась, что «существует немало бессовестных предпринимателей, которые не платят своим работницам по установленным ставкам», и что наблюдаются все чаще и чаще те же безобразные приемы эксплоатации рабочей силы, какие практиковались в довоенное время. В высшей степени характерный образчик того, что испытывают рабочие в результате установившихся ныне взаимоотношений между рабочими и предпринимателями, мы находим в объявлении президиума союза текстильщиков, помещенном впереди текста в № 11 издаваемого Союзом органа: «Так как некоторые предприниматели и в настоящее тяжелое время не могут обходиться без выбрасывания рабочих на улицу по самым ничтожным поводам, то президиум постановил с 1 апреля 1915 г. возобновить выдачу из кассы союза пособий рабочим, подвергшимся репрессиям». В пояснительной заметке к этому объявлению приводятся яркие случаи урезывания заработной платы и применения репрессий к рабочим, выступавшим по поручению товарищей в защиту их интересов. «Из отчетов об отдельных случаях репрессий, равно как и ухудшения условий труда и вознаграждения, выясняется

с полною очевидностью вся необоснованность того фантазерства, которое в последнее время широко проявлялось даже в социал-демократических собраниях и в социал-демократической рабочей печати людьми, уверовавшими в якобы происшедшее политическое и экономическое обновление Германии, влияние которого будто бы сказалось, в особенности, на правовом положении и на условиях жизни трудящихся... Чего нам только не говорили в этом духе и не говорят еще и по сей день! Каких только благ, и политических и социальных, не таит в себе, якобы с стихийною необходимостью, нынешняя война для германских рабочих! В наших глазах все это—даже не вексель на будущее, а только продукт фантазии оптимистов, которые до такой степени одержимы страстью давать взаймы, что приходят в трепет при одном виде незаполненного вексельного бланка». К этому, думается нам, прибавлять нечего.

Можно ли отметить с момента возникновения войны какие-либо достижения в области социальной политики в тесном смысле слова? Я не имею в виду специальных пожеланий рабочего класса, ни более широких, ни более узких. О таких притязаниях не приходится и помышлять, пока длится война. Но профсоюзам, вольно или невольно подчиняющим свои материальные средства и свои учреждения нуждам войны, следовало в течение последних месяцев требовать самым решительным образом, чтобы государственная власть дала ясные заверения в том, что она защитит от всяких готовящихся посягательств право коалиции, — тот фундамент, на котором построены профсоюзы. Что же мы видим на деле? В середине января сего года в одном из собраний ответственных работников берлинских профсоюзов было высказано мнение, что проектировавшиеся до войны мероприятия против профсоюзов, носившие ярлык «охраны желающих трудиться», можно в настоящее время, в результате войны, считать окончательно ликвидированными. Но спустя несколько дней после этого последовало полуофициальное сообщение, что после войны все будет улажено и что теперь подлежащим ведомствам некогда задумываться над этими вопросами. Это был ушат холодной воды, на который профсоюзы не реагировали. А «Газета Работодателей», в номере от 31 января 1915 г., нагло писала, что хорошо осведомленные круги «считают исключенным, чтобы при пересмотре имперского уголовного уложения желающим трудиться было отказано в той защите, на которую они вправе претендовать.»

В № 7 журнала «Нейе Цейт» один из профсоюзных вождей сетовал на то, что рейхстаг 4 августа, при разрешении военных кредитов, не ассигновал миллиарда на безработных. Это позор,—

говорил он, — что государство находит деньги на все, только не для безработных. И в самом деле, разве не следовало правительству, хотя бы 2 декабря 1914 г., заявить в рейхстаге, что в ближайшее время и в Германии будет положено начало правильному государственному попечению о безработных, наподобие того, как это было уже сделано в предшествовавшие войне годы в Дании, Норвегии, Франции и Великобритании? Подобного принципиального заверения не было дано, да его и не требовала ни одна из партий в заседании рейхстага от 2 декабря. Правда, в этот день рейхстаг отпустил 200 миллионов марок на нужды социальной помощи в связи с войною, и часть этой суммы предназначена на ассигнования тем бедствующим общинам, которые ввели у себя выдачу пособий безработным. Обещаны также субсидии общинам из средств отдельных союзных государств. Но все это лишь в очень незначительной мере подвинуло вперед дело коммунального попечения о безработных уже потому, что прусский министр внутренних дел дал общинам указание не принимать раньше февраля 1915 г. никаких постановлений в расчете на имперский закон, в силу которого им будут предоставлены дополнительные средства. Имперского закона, обязывающего общины организовать попечение о безработных, не существует. По подсчету генеральной комиссии профсоюзов, произведенному в промежутке с сентября по ноябрь 1914 г., попечение о безработных ввела у себя 301 община. Но эта цифра не вполне соответствует действительности: в числе 301 общины находится 106 таких, которые выдают безработным не регулярно, а только от случая к случаю, пособия деньгами или натурою. Для того, чтобы добиться законодательного акта в имперском масштабе о пособиях безработным, — акта, который сохранил бы свое действие и после войны, — представителям рабочего класса следовало не ограничиваться закулисными совещаниями с членами правительства, а прибегнуть к энергичным выступлениям в обстановке гласности, поскольку это было осуществимо в условиях осадного положения.

Не менее важным был и остается вопрос о посредничестве в приискании работы. Когда, после начала войны, в некоторых случаях обнаружилась потребность в подобном посредничестве в интересах государства (напр., для полевых или для окопных работ и т. п.), таковое тут же было создано, отчасти при содействии профсоюзов. Но этим дело и ограничилось. А ведь законодательное урегулирование посредничества в приискании работы, на основе паритета, представляет собою неотложную задачу: необходимо, в интересах ищущих работы, выравнивать предложение и спрос, необходимо освободить трудящихся от услуг

профессиональных посредников по найму, а тем более от всяких бюро работодателей, которые существуют больше для контроля над рабочими, чем для содействия им в приискании работы. К тому же, отсутствие правильно организованного посредничества попрежнему все еще продолжает служить предлогом для того, чтобы откладывать разрешение вопроса о введении государственного попечения о безработных. Это соображение, в особенности, говорит за неотложность государственного урегулирования посредничества в приискании работы. Кроме того, есть еще и такое соображение: к моменту окончания войны должны быть приняты известные предохранительные меры, дабы возможно было наново разместить в системе народного хозяйства возвратившиеся миллионы рабочих рук.

У нас принято восхвалять проявившуюся во время войны приспособляемость германского народного хозяйства. Почему же эта хваленая приспособляемость не обнаружилась в организации попечения о безработных и посредничества в приискании работы,—в той области, в которой некоторые из враждебных нам государств еще до войны могли послужить нам хорошим примером? Еще и сейчас, когда мы пишем эти строки, нет данных для суждения о том, что сделает в этой области рейхстаг в предстоящей сессии, начинающейся 10 марта.

Эти требования тем более справедливы, что именно рабочий класс, как таковой, несет, в связи с войною, чудовищные финансовые жертвы. Профсоюзы, правда, отчасти сократили ставки индивидуальных пособий, выдаваемых их отделами пособий, но тем не менее они чрезвычайно обременены. За один только период времени с 3 августа 1914 г. по 30 января 1915 г. свободные профсоюзы израсходовали 17.783.129 марок на пособия безработным и 6.180.208 марок на пособия семействам призванных в войска. В некоторых профсоюзах, — например, в союзе литографов,—наличность кассы исчерпана расходами на пособия дочиста. После войны результаты этих расходов скажутся в том, что профсоюзы будут испытывать в своей деятельности сильнейшие затруднения. Если мы вспомним, как часто срывались движения за повышение заработной платы из-за недостатка денежных средств, то нам станет ясно, как сильно пострадали профсоюзы от войны.

Бремя войны падает также на больничные кассы, на дело страхования на случай инвалидности и на дело страхования служащих. Лицам, оставившим, в связи с призывом в войска, работу, при которой страхование обязательно, было предоставлено, по их заявлению, остаться добровольными членами местных больничных касс. Это, безусловно, выгодно для участников

войны, так как они получают право на пособие в случае болезни, а их родные на пособие в случае их смерти; но для больничных касс такое положение создает огромное, вытекающее из войны, бремя. Областным страховым учреждениям, т.-е. действующим в силу имперского закона органам страхования на случай инвалидности, было предоставлено израсходовать приблизительно около 100 миллионов марок на нужды благоустройства в связи с войною, — на снабжение воинов шерстяными вещами, на попечение о безработных и т. д. Имперское страховое бюро для служащих (деятельность которого распространяется только на торговых служащих, конторщиков, техников, преподавателей частных школ и служащих частных учреждений, старших мастеров и т. д.) израсходовало около 2 милл. марок на шерстяные вещи для воинов и на оборудование санитарного поезда, но оно отказывается сделать что бы то ни было для застрахованных безработных, не призванных в войска. Областным страховым учреждениям придется, кроме того, выплатить много миллионов марок в виде ежегодных пенсий лицам, сделавшимся инвалидами войны и выждавшим определенные сроки; велики будут также расходы по выдаче пенсий сиротам. Правда, ставки индивидуальных выдач очень скромны, но в виду большого числа павших или сделавшихся инвалидами воинов придется выплачивать значительные суммы. Таким образом, больничным кассам, существующим на $^2/_3$, и учреждениям по страхованию на случай инвалидности, существующим на $^1/_2$ за счет прямых взносов лиц, обязанных к страхованию, пришлось взять на себя долю бремени военных расходов. Хотя мы и рады от души за тех воинов и за те семьи погибших, которым достанутся пособия, но, вместе с тем, мы не можем не указать на то, что народу раньше и не приходило на ум, что на органы страхования, созданные по закону в интересах жертв трудового фронта, будет взвалено подобное бремя обеспечения жертв настоящего, боевого фронта, — бремя, которое, собственно говоря, должно было принять на себя все общество в целом. В совершенно ином положении находится страхование от несчастных случаев, основанное на взносах предпринимателей: на этот институт участники войны не лягут бременем.

Из всего вышеизложенного ясно, что у рабочего класса нет никаких оснований ликовать по поводу «социальных достижений». Рабочие и не ликуют. Только отдельные лица стараются внушить им, что имеются налицо великие достижения. На самом деле говорить о подобных достижениях рабочего класса за время войны не приходится, а можно говорить лишь о его великих жертвах. И именно в виду этих жертв необходимо самым на-

стойчивым образом добиваться скорейшего проведения в жизнь хотя бы таких элементарных требований, как неприкосновенность права коалиции, лежащего в основе профсоюзов, как практическое признание профсоюзов и в тех областях, где без них можно и обойтись, но где привлечение их представляет специальный интерес для рабочих; как, далее, урегулированное законом попечение о безработных, посредничество в приискании работы и т. д.

С точки зрения интересов германского рабочего класса было бы гораздо лучше, если бы рвение, проявляемое в нападках на «озорников», применялось в направлении этой «положительной работы».

НАШИ ЖЕНЩИНЫ И „ЖЕНСКАЯ СЛУЖБА НАЦИИ“.

Статья Екатерины Дункер.

Спустя несколько дней после начала войны президиум партии и генеральная комиссия профсоюзов обратились к женщинам-пролетаркам с призывом отдать свои силы делу широкой социальной помощи. Повсеместно в Германии наши товарищи-пролетарки откликнулись на этот призыв. Отчасти они приняли участие в учреждениях, организованных общинными властями, в некоторых же областях создали и свои собственные органы. Почти везде эта кампания социальной помощи привела социал-демократок к работе бок-о-бок с буржуазными женщинами, организовавшимися в объединение так называемой «Женской службы нации».

3 августа 1914 г. на собрании представителей всех берлинских союзов социальной помощи социал-демократка Цитц, от имени женщин социал-демократок, заявила о готовности их работать рука об руку с женщинами буржуазного класса. Это заявление вызвало большую сенсацию как в буржуазных, так и в партийных кругах. И действительно, в числе сюрпризов, которые уготовил нам момент возникновения мировой войны, не последнее место занимает это слияние воедино буржуазной и социал-демократической работы по облегчению нужд, возникших в связи с войною. Вспомним, что в течение четырех десятилетий оставался незыблемым принцип — всегда выступать только под своим флагом. Это диктовалось двумя соображениями: во-первых, тем, что наше социалистическое мировоззрение исключает солидарность с теми, кто составляет опору буржуазного общества; во-вторых, тем, что успех нашей агитации обусловливается резким подчеркиванием классового характера рабочего движения. Ясное дело, что поступиться столь важным принципом можно было только под влиянием очень уж веских причин. Кто бы мог раньше

допустить возможность солидарной работы женщин социал-демократок с буржуазными дамами-филантропками!

Для иллюстрации налаженной в настоящее время совместной работы товарищей-пролетарок и буржуазных женщин мы вкратце обрисуем положение этого дела в Берлине. Прежде всего, тов. Цитц, в качестве представительницы партии, тов. Ганна от профсоюзов и тов. Лодаль от кооперации, конституировались в центральное бюро пролетарских женщин. Одновременно с этим те же три товарища были приняты в число действительных членов президиума «Женской службы нации». Это объединение считает главной своей задачей «содействие городскому управлению в организации попечения о нуждах, порожденных войною; в виду этого, оно учредило в 23 налоговых районах Берлина комитеты помощи, примыкающие к комиссиям по выдаче пособий, рассматривающим ходатайства о выдаче установленных законом пособий в связи с войною». В каждый из этих комитетов к председательнице — буржуазной даме — прикомандирована одна из товарищей-пролетарок. К выдаче пособий эти комитеты не имеют прямого отношения. Их дело — только принимать заявления, давать указания добивающимся пособия и направлять их в налоговую кассу соответствующего района. Расследование степени нужды комитеты вправе производить только в тех случаях, когда им это поручает соответствующий районный начальник. Обе руководительницы комитета помощи присутствуют в той городской комиссии по выдаче пособий, которой они подчинены, но правом голоса по вопросу о выдаче пособия они пользуются лишь в тех случаях, когда обсуждается ходатайство, по которому они производили расследование. Когда дело не касается пособия в связи с войною или призрения бедных, комитеты помощи производят обследование по собственной инициативе. Для расследований и прочей работы каждый комитет имеет в своем распоряжении известное число сотрудниц из буржуазии и из социал-демократок. Нести эти обязанности вызвались вначале около 600 товарищей-пролетарок. По первоначальному плану, деятельность коммунальных комитетов помощи должна была ограничиваться выдачей справок и производством расследований. Но, в виду многочисленных случаев отчаянно-бедственного положения, требовавшего немедленной помощи, комитетам были предоставлены, в свободное их распоряжение, средства из фондов города или общественных союзов. В настоящее время комитеты могут, в известных границах, раздавать талоны на молоко, овощи и картофель. Далее, Берлинское потребительское общество предоставило комитетам карточки на получение товаров.

Есть, впрочем, две области, в которых берлинские социал-демократки создали свои собственные учреждения; это — уход за больными и родильницами и попечение о детях. Комитет по уходу за больными и родильницами предоставляет бесплатных сиделок, а в случае надобности—и врачебную помощь. В распоряжении комитета состоят, в качестве добровольцев, семь врачей и изрядное число партийных женщин. Берлинский комитет охраны детей расширил сферу своей деятельности и круг своих сотрудниц и устроил убежища для детей трудящихся женщин. В созданных им 19 пунктах находили себе приют в течение дня до 3.000 детей, причем были организованы присмотр за ними, занятия с детьми, а также, при содействии общества народных детских столовых, кормление детей. Но, хотя значительное число партийных женщин развило в этой области поразительную деятельность, все же, с наступлением холодного времени, эти пункты пришлось ликвидировать из-за отсутствия, главным образом, приспособленных, отапливаемых помещений, но также денег и надлежащего числа сотрудниц.

То же самое, что в Берлине, мы наблюдаем почти во всех крупных городах: наши товарищи-пролетарки принимают разностороннее участие в деле попечения о нуждах, порожденных войною. В виду этого нам представляется уместным поставить вопрос, полезно ли и насколько полезно партии, как таковой, официальное участие в этом деле женщин-социал-демократок. Тов. Цитц неоднократно высказывалась в том смысле, что товарищам-пролеткам, впавшим в нужду в связи с войною, показалось бы совершенно непонятным, если бы мы не оказали им в настоящее время деятельной поддержки, и что, наоборот, самоотверженной помощью мы укрепим связывающие их с нами узы. Но поскольку мы будем говорить о положении дел в Берлине, уже выяснилось, что среди тех, которые прибегают к комитетам помощи за советом и пособием, наших товарищей чрезвычайно мало. Большинство нуждающихся в помощи принадлежит к тому слою, который сплошь и рядом был слишком бессилен экономически и слишком малокультурен, чтобы быть захваченным нашею просветительною и организационною работою. Другая, незначительная, часть рекрутируется из элементов, которые до войны пользовались относительным благосостоянием, но, в связи с призывом в войска или безработицей, обрушившейся на их кормильца, вдруг очутились в крайней нужде: это — служащие частных учреждений, торговые служащие и т. п. Вот те два слоя, на пользу которых, главным образом, работают комитеты помощи. Есть основание полагать, что товарищи-пролетарки, имеющие право на пособие

в связи с войною, достаточно информированы уже своими организациями, чтобы осуществить свое право без дальнейшего руководства с чьей бы то ни было стороны. Таким образом, аргумент, приведенный товарищем Цитц, очень мало убедителен, по крайней мере, если иметь в виду Берлин.

Товарищи-пролетарки, предложившие свои услуги для работы по обследованиям, во многих случаях надеялись своею деятельностью привлечь в нашу организацию новых приверженцев и дать нашей прессе новых читателей. Но, не говоря уже о том, что обследование положения лиц, впавших в нужду, вряд ли представляет собою подходящий случай для привлечения их в наши союзы или для вербовки среди них абонентов для нашей прессы, большинство лиц, подлежащих обследованию, представляет для нас, по приведенным уже соображениям, очень малопригодный, в смысле вербовки, материал.

Таким образом, полезный для нашей партии результат сотрудничества товарищей-пролетарок в деле помощи терпящим нужду в связи с войной оказывается весьма проблематичным. С другой стороны, однако, нельзя отрицать, что это сотрудничество местами имело воспитательное значение, приучая, кого надо, к надлежащему обращению с нуждающимися в помощи. Случалось нередко, что буржуазные дамы говорили с людьми снисходя, с тем надменным тоном, который очень часто делал антипатичным для нас буржуазное «милосердие». Иная считала нужным сопровождать свои указания благочестивыми наставлениями; другой казалось уместным делать строгое моральное внушение несостоящим в браке матерям. Но это не все: случалось не раз, что матерям, имеющим много детей, делались упреки в преступном легкомыслии, а то и в безнравственности; и это в такое время, когда в «руководящих» сферах восхваляется германская многосемейность, как «главный источник нашей силы». Были и такие места, где каждого безработного, не взирая на его жалкий и тщедушный вид, увещевали наняться в ломовые извозчики для перевозки муки, т.-е. заняться делом, требующим значительной физической силы. А в случае несогласия, в документах просителя делалась отметка: «Уклоняется от работы». В этих и аналогичных случаях наши товарищи имели возможность своим вмешательством устранять резкости и мало-по-малу пробуждать в своих коллегах из буржуазных кругов способность глубже чувствовать и разумнее разбираться в вопросах социального характера. Мы менее всего склонны к пренебрежительной оценке такого результата, но мы полагаем, что он все же обошелся нашей партии слишком дорого. Несколько сот активных товарищей были отвлечены в течение нескольких месяцев от

настоящей партийной работы, будучи всецело поглощены работой в комитетах помощи. Правда, тем временем число их сильно сократилось: одни разочаровались в тех чаяниях, которые они связали со своею работою, и не нашли возможным наладить согласованную работу с буржуазными женщинами; другим необходимость искать заработка не позволила продолжать бесконечно работу в комитетах. Однако, фактом остается то, что партия была лишена работников из женщин в такое время, когда они, в связи с призывом мужчин в войска, были ей особенно нужны. Сплошь да рядом оставались незамещенными должности районных руководителей, кассиров, библиотекарей и т. д. В течение многих месяцев на партийных собраниях, в особенности женских, только и говорилось, что о кампании помощи в связи с войною, хотя уже давно обнаружилась необходимость и зачастую имелось налицо горячее желание заняться другими, более важными для партии делами. Надо полагать, что для членов политической партии наиболее необходимым делом было обсуждение причин войны, нашей позиции по отношению к ней и наших ближайших политических задач.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к такому выводу: личное сотрудничество значительного числа товарищей-пролетарок в деле помощи терпящим нужду в связи с войною можно вполне понять, как продиктованное чисто-человеческим желанием оказывать помощь и психологической потребностью—посредством лихорадочной деятельности отвлечь свой ум от кошмарных событий, совершающихся там, за рубежом; что же касается официального участия наших партийных женщин в этом деле, то таковое мы не можем признать правильно обоснованным. Смягчать нужду, порожденную войною, это—дело тех, которые стоят за войну и, в конечном счете, так или иначе, извлекают выгоду из войны. Мы же, всегда выступавшие против войны, должны были только требовать, чтобы были приняты меры к смягчению нужды; мы должны были путем политических выступлений принудить буржуазное общество к принятию подобных мер и контролировать их осуществление. Такова была до сих пор линия нашего поведения по отношению к социальным бедствиям вообще, проистекающим из современного общественного строя: мы требовали соответствующих институтов, но никогда не создавали их сами. Таких задач политическая партия не может себе ставить, не говоря уже о том, что пролетариям, при попытке конкурировать в подобном деле с буржуазными кругами, никогда не угнаться за последними, за неимением средств, а также обученных и экономически независимых специалистов.

Разумеется, для нас мыслима и такая ситуация, при которой и мы могли бы высказаться за официальное участие наших

партийных женщин в деле попечения о нуждах, возникших в связи с войною. Если бы наша фракция отклонением военных кредитов зафиксировала свою принципиальную оппозицию по отношению к международному разбою, тогда наша работа в деле помощи выявила бы перед лицом всего мира, что, решительно отказавшись наносить раны, мы всегда готовы лечить таковые. Наша специальная задача, в качестве социалистов,—уяснить массам ситуацию, — была бы выполнена этим актом нашей фракции, и потому мы могли бы свободно проявлять наши общие социально-альтруистические чувства. Этим мы выполнили бы заодно и просветительную работу по отношению к тем, которые истолковали бы отклонение нами кредитов, как враждебный акт по отношению к солдатам и их семьям. Свершилось, однако, иное! А из этого факта для проникнутых классовым сознанием товарищей-пролетарок вытекала обязанность: не содействовать дальнейшему затушевыванию грани, отделяющей нас от буржуазного мира, а отдать все свои силы нашей организационной и просветительной работе. Переживаемое нами время представляет собою, быть может, совершенно исключительный, небывалый момент в смысле его пригодности для того, чтобы вскрыть перед массами всю бессмысленность и антикультурность капиталистического строя, равно как и его опасность для общества в целом. Используя момент в этом смысле, мы действуем в духе принятого в Штуттгарте, в Копенгагене и в Базеле интернационального воззвания, обязывающего нас «стремиться всеми силами использовать порожденный войною экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть народ и таким путем ускорить ликвидацию классового господства капиталистов».

БОРЬБА ЗА МИР.

Статья Клары Цеткин.

> Не страшись, дорогой, не терзайся!
> Больше бодрости! Слушай!..
> Раннего утра уже начался перезвон.
>
> *Э. Мёрике.*

Пусть там, за рубежом, грохот пушек повествует миру о том, что империализму удалось погнать к себе на службу пролетариев воюющих стран, и что, следовательно, империализм торжествует свою победу над международным социализмом; пусть к нам доносится отзвук грома побед в сбивчивых и вносящих путаницу речах социалистических вождей и статьях рабочих газет как отечественных, так и иностранных; пусть еще теряется в сомнениях отравленный шовинистическими фразами разум широких масс рабочего класса... Для тех, кто в сумерках наших дней не сбивался с пути и твердо держал в руках знамя социалистических принципов, уже встает заря новых дней, с их надеждами и задачами. Кое-какие факты навевают на нас то предрассветное настроение, которое неподражаемый Мёрике облек в такие простые слова, и таинственную, чарующую прелесть которого воплотило в себе полностью тоническое искусство Гуго Вольфа. Раннего утра уже начался перезвон! Тихо, но вполне определенно этот перезвон говорит нам о том, что рабочие воюющих стран, в атмосфере империалистического угара, снова начинают приходить к сознанию своих классовых интересов и своей великой исторической миссии: таков, и только таков смысл все учащающихся публичных выступлений за международную солидарность пролетариев всех стран и за мир, согласующийся с социалистическими принципами.

Мы указываем, прежде всего, на «куцую» конференцию скандинавских и голландских социалистов в Копенгагене. Конечно,

мы не думаем придавать ей слишком большое значение. Против этого говорит хотя бы уже то обстоятельство, что конференция объединяла лишь представителей социалистических партий немногих нейтральных стран. Но против переоценки ее значения еще больше говорит другое обстоятельство. Перед лицом переживаемой нами эпохи и предъявляемых ею требований, эта конференция представляла собою в значительно большей степени съезд вождей для формулирования благочестивых пожеланий в стиле социалистических конгрессов прежнего времени, нежели выражение сознательной, порывающейся к действию воли пролетарских масс. Приобрести выдающееся по результатам значение копенгагенская конференция могла бы лишь в том случае, если бы ее работа помогла пробудить в массах подобную волю к миру, притом — пробудить ее как в нейтральных, так, в особенности, и в воюющих странах, что она и сама признала в своей резолюции, резюмирующей результаты совещания. Но такому плодотворному результату препятствует то обстоятельство, что конференция не подвергла поведение социалистических партий воюющих стран критической оценке, каковая была бы равносильна призыву к рабочим сделать то, что для угнетенного, борющегося класса является политической необходимостью: проверить действия своих вождей и смело взять инициативу в свои руки, как только окажется, что вожди колеблются и медлят.

При всем том, скандинавская конференция, если говорить о занятой ею позиции, была более социалистичной и более яркой, чем можно было бы думать, судя по отчетам германских партийных газет. Так, напр., она протестовала против нарушений международного права, совершенных Германией по отношению к несчастной Бельгии, и требовала от социал-демократии воюющих стран энергичного противодействия всякой насильственной аннексии. Для социалистов это — само собою понятные, простейшие положения. Однако, германская социал-демократия до сих пор все еще не уразумела, что момент повелительно обязывает высказывать их с непреклонной решимостью перед широчайшими массами, побуждая их также выдвигать эти положения. Бледные и растяжимые декларации фракции рейхстага от 4 августа и 2 декабря прошлого года недостаточны; это тем более верно, что, как мы знаем, некоторые политические и профсоюзные вожди в своих речах, а также газеты в своих суждениях идут совершенно вразрез с означенными элементарными положениями.

Наиболее важными, бесспорно, следует признать все те события, в которых проявляется первое сознательное возмущение социалистов-пролетариев Франции против подавления историче-

ских задач пролетарской классовой борьбы требованиями империалистической войны. Эти события представляют резкий контраст с ультра-националистической позицией социалистической партии и должны рассматриваться, как стихийный протест, исходящий из самой толщи трудящегося народа. Блестящею заслугою партийной федерации департамента Эны, ее органа «L'Eclaireur de l'Ain» и ее мужественного секретаря Нико останется то, что они первые вновь провозгласили публично принципы социалистического Интернационала в такое время, когда шум империалистического «шабаша ведьм» заглушал классовое сознание французских пролетариев и лишил даже их наиболее испытанных вождей понимания исторической действительности. Эти принципы, подобно сильнейшему химическому реактиву, разложили все лицемерные идеологические построения, в которых, под действием накаленной атмосферы мировой войны, причудливо перемешались буржуазные и социалистические понятия. Провозгласить эти принципы, положить их в основание оценки событий и их последствий — это значило, в конечном счете, вернуть международной солидарности пролетариев всех стран прежнее, принадлежащее ей по праву место, где она гордо возвышается над мнимым национальным единением всех классов, и требовать быстрого прекращения пролетарского братоубийства. Это было равносильно осуждению поддержки, оказываемой социалистами империалистической войне, и, стало быть, вступлению на путь оппозиции политике социалистической партии своей страны.

Наряду с настроениями и течениями, проявившимися в политической сфере влияния партийных организаций департамента Эн, а затем и других округов, подобные же настроения и течения всплыли во Франции также и в кругах профессионально-организованных рабочих. В качестве их ревностного и мужественного поборника заслуживает быть выделенным, в особенности, Мерргейм, вождь профсоюза металлистов. А что не следует недооценивать силу и значение этого процесса брожения, уразумения смысла событий и прояснения умов, о том свидетельствуют два документа. Газета «Humanité», в номере от 2 февраля, опубликовала воззвание, в котором Всеобщая Конфедерация Труда — объединение французских профсоюзов — обращается к входящим в нее централизованным союзам и к рабочему Интернационалу. Бесспорно, с точки зрения научного социализма можно критиковать некоторые мысли и требования воззвания, как неясные и пропитанные иллюзиями, при чем в самых главных вопросах оно не идет еще достаточно далеко. Однако, из-за слабых сторон данного выступления не будем упускать из виду его значения в качестве отрадного симптома, свидетельствующего о том,

что рабочие призадумались и повернули обратно. Воззвание проникнуто сознанием солидарности пролетариев всех национальностей, — сознанием, которое не путается между буржуазными идеями «патриотического долга» и «измены отечеству», уподобляясь животному, бродящему по бесплодной степи, а идет своим прямым путем. Всеобщая Конфедерация Труда, касаясь ужасной военной грозы, разразившейся «против ее воли и усилий», заявляет: «Мы чувствуем себя неразрывно связанными с делом рабочего Интернационала. Война остается для нас самым ужасным из социальных преступлений. Мы всегда обращали свою пропаганду и свои активные выступления против низменного национализма, против жаждущего завоеваний милитаризма, равно как и против возврата к изжитым формам государственности». Предложения, внесенные Конфедерацией на международных социалистических конгрессах, начиная с 1905 года, доказывают, что она ясно сознавала необходимость объединить силы рабочего Интернационала для действия единым фронтом против общей опасности. События подтвердили правильность ее взглядов.

Само собою разумеется, что воззвание не могло обойти лживым молчанием тот факт, что территория Бельгии занята почти что до последней пяди враждебными войсками, и что целый ряд департаментов Франции в таком же печальном положении. Однако, в нем нет ни малейшего намека на реванш, а об Эльзасе и Лотарингии даже и не упоминается. А как смотрит воззвание на мнимую заинтересованность рабочих в том, чтобы иметь «более обширное и более могущественное отечество», на завоевание которого в настоящее время выступают некоторые вожди германского рабочего движения, идя по стопам Мауренбрехера и Гильдебранда и пуская в ход свое хлесткое перо или зычную глотку? Воззвание говорит: «Мы слишком часто протестовали против колониальных экспедиций, чтобы в настоящее время быть в состоянии забыть глубокие основания нашего протеста». В другом месте мы читаем: «Существеннейшим условием социального прогресса является неприкосновенность, независимость народов». Идеал будущей свободы для всех «велит изгнать всякую мысль о гегемонии, велит добиваться общечеловеческой гармонии на основе равенства всех народов». Всеобщая Конфедерация Труда желает, чтобы мир наступил «возможно скоро», и кроме того, чтобы пролетариат посвятил всю свою боевую энергию задаче «сделать эту войну последнею из войн». Конфедерация «всем сердцем с теми, кто борется за это дело», и ждет осуществления его от «прямого восстания организованных в рабочий Интернационал активных сил». Рабочий класс всех стран, — говорит Конфедера-

ция,— должен принять на себя нерушимое обязательство действовать в этом духе.

Недвусмысленно, с полной определенностью выступает пролетарское сознание против войны и ее продолжения в другом, также исходящем от профсоюзных кругов документе. Мы говорим о декларации, единогласно принятой президиумом картели профсоюзов департамента Роны и распространенной в виде летучки. Эта профсоюзная картель представляет собою, на ряду с федерацией департамента Сены, сильнейшую из окружных организаций французского пролетариата, и к ее декларации немедленно присоединились: центральное бюро союза пищевиков, имеющее правление в Париже, а также социалистическая федерация департамента Эн. Таким образом, летучка также оказалась выразительницей мыслей и настроений значительных по своей численности пролетарских масс. В ней мы находим следующие характерные места: «Не доискиваясь причин нынешнего конфликта в дипломатических интригах, разыгравшихся в течение последних лет под покровом тайны, профсоюзная картель департамента Роны напоминает, что международный пролетариат несет жертвы войны, но ни в коем случае не ответственность за нее, так как все его усилия были всегда направлены против того, чтобы народы вели между собою борьбу силою оружия... Рабочие и их семьи проникнуты горячим желанием быстрого благодетельного мира, который положил бы конец ужаснейшей, беспримерной в истории бойне. Каждый лишний день войны устилает театр войны трупами честных и полезных работников, создает новые кадры вдов и сирот, лишенных средств к существованию. Профсоюзная картель департамента Роны ставит общечеловеческие интересы выше всяких соображений второстепенного характера и заявляет во всеуслышание о своей верности принципам, которые всегда будут живы в рабочем Интернационале. Она заявляет, поэтому, что присоединится ко всякому искреннему выступлению, ставящему своей целью достижение в кратчайший срок честного и окончательного мира. Война войне! Да здравствует рабочий Интернационал!». В этом документе мы также тщетно стали бы искать хотя бы одного слова, которое можно было бы истолковать, как уступку ограниченному националистическому образу мыслей. Как в своих заявлениях, так и в недомолвках, декларация означает открытое восстание против иллюзий и лозунгов социалистических парламентариев и рабочих вождей, запрягающих пролетариат в колесницу капиталистического империализма.

Кроме вышеупомянутых двух организаций, во Франции нашлась еще одна группа, отважившаяся выступить во имя меж-

дународной солидарности пролетариата и вынести на форум гласности социалистические требования мира; это — группа смелых парижских товарищей-пролетарок. Почти что одновременно с вышеупомянутыми двумя органами профсоюзов, — даже, судя по всему, раньше их, — эти парижские пролетарки распространили, в виде летучки, воззвание, в котором заведывающая интернациональным секретариатом напоминает социалисткам всех стран о их важнейшей для данного момента задаче: не смущаясь наветами со стороны «истинно-патриотических элементов» и не робея перед трудностями и опасностями, смело выступить пионерами борьбы за мир. Парижские товарищи заявили французским женщинам, что на них падает почетная обязанность — действовать в духе воззвания. Последнему предполагалось дать широчайшее распространение путем опубликования его в социалистической прессе; но цензура, свирепствующая в обстановке «гражданского мира», — совсем, как в Германии, — отчасти помешала этому: она не позволила поместить воззвание в «Eclaireur de l'Ain», но зато его удалось напечатать в «Populaire du Centre». А что воззвание возымело свое действие, о том свидетельствует письмо, присланное в редакцию газеты какою-то пролеткою и содержащее в себе мучительный вопрос: что можем сделать мы, слабые, бедные женщины, чтобы положить конец ужасному взаимоистреблению народов? И все это имело место, несмотря на то, что власти строжайше запретили всякую пропаганду в пользу мира, — даже молитву папы о даровании мира! — и несмотря на то, что ослепленные патриотизмом социалисты клеймят всякую мысль, всякое слово о мире, как «преступление против отечества».

Конечно, нам будут возражать. Мы видим уже эти лица и эти жесты самодовольного превосходства, с которыми станут презрительно отвергать значение приведенных нами фактов поклонники большой численности организаций и значительной кассовой наличности, вне которых «несть спасения». Французские профсоюзы малочисленны, плохо организованы и бедны. А парижские женщины-социалистки? Боже милостивый! Да стоит ли говорить об этой крошечной кучке людей, не пользующихся никаким влиянием? Мы нисколько не намерены скрывать слабость и несовершенства профсоюзов и социалистических женских групп Франции; мы ничуть не отрицаем великого значения, которое могут иметь во всех областях многочисленные, крепко спаянные организации с крупною кассовою наличностью. Но мы знаем также из истории Франции и ее рабочего движения, что в этой стране до настоящего времени организация — как ее понимают в Германии — не была важнейшею предпосылкою для того,

чтобы трудящиеся массы выступили активно и бросили все дремлющие в них силы и страсти на весы исторического движения. Кроме того, мы откровенно признаем себя сторонниками следующего «еретического» взгляда: организационно-техническое превосходство рабочих объединений само по себе не решает дела; оно остается «водичкой» и не становится освящающим историческим таинством, если отсутствуют ясность целей и действенность воли. При таких данных могущественные организации могут, конечно, свершить великие дела; но без них они могут превратиться в опасные оковы для пролетарской энергии и способности к действию. При том вавилонском смешении языков, которое породила в международном пролетариате нынешняя война, — проникнутая подлинным социализмом активная деятельность малых групп представляется нам более ценной, нежели образцовая постановка и самые блестящие финансовые возможности могучих организаций, не противящихся, а то и потворствующих тому, что, под прикрытием лживого лозунга: «отечество в опасности», пролетариат приносится в жертву, как илот, исключительно в интересах политики его господ и эксплоататоров.

Как бы ни умаляли значение проникающих из Франции известий о социалистических манифестациях солидарности и голосах в пользу мира, мы именно в них усматриваем наиболее яркие симптомы того, что пролетариат воюющих стран начинает освобождаться от националистического угара и снова собираться под знаменем классовой борьбы. Во Франции патриотизм рабочих неразрывно связан с революционными традициями страны. Он черпает свою силу из исторического блеска Великой Революции, из воспоминаний о войнах той эпохи, когда приходилось защищать дело революции в борьбе против коалиции монархов всей Европы, а французская буржуазия, переживая бурную весну своего господства, могла мечтать о том, что войска республики, побеждая под ее знаменами, утвердят свободу во всем мире; из того факта, что «пение галльского петуха» в 1830 и 1848 гг. пробудило от политической дремоты народы европейского континента, и из той роли, которую в эти исторические моменты накаленный докрасна Париж играл для политических революций буржуазии и первых восстаний пролетариата. Наконец, и франко-германская война не могла не подогреть вновь патриотизма французских рабочих: ведь 2 сентября она превратилась в национальную оборонительную борьбу за самое существование республики, — борьбу, достигшую своего кульминационного пункта в героической Парижской Коммуне. Кроме того, не следует забывать современного положения Франции. Она видит воочию судьбу родственной ей по национальности Бельгии, а значительные части

ее собственной, отечественной территории, в том числе промышленно наиболее развитые округа, заняты врагом. Отсюда следует, что во Франции в настоящий момент необходимо обладать непоколебимою верностью своим убеждениям и исключительною нравственною стойкостью, чтобы пойти против «патриотических» выкриков о необходимости «войны до конца», и чтобы, во имя международной солидарности пролетариата, требовать мира. Но отсюда следует также, что в таком акте проявляется стихийная сила пролетарского классового интереса и классового сознания, — сила, которая, в конце концов, подобно расплавленной лаве, прорвется через кору буржуазных националистических идей и лозунгов и отметет в сторону, как безжизненные камни, аргументы поддерживающих правительство социалистов. Здесь мы имеем перед собою полезный урок, говорящий о непобедимой силе объективных исторических факторов, когда они объединяются с сознательною волею людей. Вывод из него для пролетариев всех стран: веровать и действовать, оставаться твердыми в убеждениях и быть смелыми в деле!

В Англии, несмотря на страстную джингоистскую агитацию, никогда не умолкал «утренний перезвон», говорящий о сильно выраженном сознании международной солидарности и желании мира. В этом перезвоне принимали и принимают участие также и не-пролетарские круги. Буржуазное движение в пользу мира и женского избирательного права, бесспорно, углубило понимание международных культурных связей; оно также выдвинуло и воспитало ряд сильных личностей, которые, не смущаясь шумом дня, оценивают события без предубеждения и действуют так, как им велит их убеждение. С другой стороны, нельзя не отметить печального факта, что и в Англии подпали влиянию империалистического безумия не только широкие непросвещенные пролетарские массы, но и значительная часть их профессионально и политически организованного авангарда, с авторитетными вождями во главе. Однако, в обстановке националистической вакханалии, видя перед собою крушение Интернационала, — это неизбежное последствие обнаружившегося банкротства социал-демократии в Австрии, в Германии и во Франции, — английская Независимая Рабочая Партия держится непоколебимо на посту передового борца за пролетарское братство и за мир. А Независимая Рабочая Партия — это не «самая малочисленная из социалистических групп Англии», как утверждает тов. Шейдеман. Наоборот, насчитывая в своих рядах до 60.000 сторонников, она представляет собою, по числу членов, самую крупную из всех социалистических фракций Англии и пользуется в рабочем движении страны влиянием, значительно превышающим ее числен-

ное значение, потому что в нее входит большинство самых передовых руководителей, агитаторов и организаторов пролетариата. Независимая Рабочая Партия была движущей силою той импозантной демонстрации в пользу мира, которую устроила Рабочая Партия накануне войны. Она не отступилась от своей мирной политики даже тогда, когда парламентская фракция Рабочей Партии, под впечатлением нарушения нейтралитета Бельгии, прекратила свою оппозицию против войны. Тов. Рэмсей Макдональд, самый влиятельный из вождей Независимой Рабочей Партии, сложил с себя звание председателя фракции Рабочей Партии, когда большинство этой фракции отклонило его предложение о разрешении ему прочитать в нижней палате принятую президиумом фракции резолюцию протеста против войны. В этой резолюции говорится: «Рабочая Партия вновь подчеркивает факт, что она боролась против политики, приведшей к войне, и что теперь ее долг — возможно скорее обеспечить стране мир на условиях, которые создали бы наилучшую почву для восстановления дружественных отношений между рабочими Европы». К Независимой Рабочей Партии принадлежат те четыре товарища, — Рэмсей Макдональд, Кейр Гарди, Джоветт и Ричардсон, — которые одни из всех членов парламентской фракции Рабочей Партии энергично возражали против участия в кампании по набору рекрутов. О непоколебимой верности идеалам интернационального социализма свидетельствует воззвание, в котором партия после начала войны обратилась к рабочим всех стран и, в частности, торжественно заявила относительно германских рабочих и социалистов: «Они — не враги наши, а друзья!»

С тех пор Независимая Рабочая Партия вложила всю свою душу в борьбу против империализма и за мир. Ее орган «Labour Leader», устроенные ею митинги и другие выступления являются блестящим подтверждением наших слов. В данном случае не единичные «озорники» бунтуют против «само собою понятного патриотического долга содействовать безопасности нации и сохранению ее могущества». Общие собрания и конференции на местах и в округах, можно сказать, все, без исключения, доказывают, что за этой политикой сплоченно стоит подавляющее большинство партии. Независимая Рабочая Партия подтверждает, что социализм и империализм — смертельные враги, и что для рабочего класса желание мира не может означать ничего иного, как страстную и упорную борьбу против империализма. Она поняла, что борьба международного пролетариата против общего врага должна вестись на национальной почве, и что, следовательно, рабочий класс каждой страны должен низвергнуть империализм своего эксплоататорского класса и своего пра-

вительства. Поэтому она не предается до опьянения дешевой критике империализма: она не клеймит его, как интернациональное явление, и не клеймит империалистической политики других, кроме Англии, государств. Она направляет свои удары прямо в сердце врага, разоблачая перед массами с такою же беспощадностью,, как и до войны, империализм и грехи правительства Великобритании, и делая это без страха перед обвинениями в «неимении отечества» и в «измене отечеству». Образцовое поведение Независимой Рабочей Партии представляет собою, объективно, жестокую критику беспринципности и приспособляемости тех социалистических партий, которые, под грохот пушек и под знаком гражданского мира, сегодня поклоняются тому, что еще вчера ниспровергали, — враждебной рабочему классу империалистической политике своего правительства, — и так же свободно сжигают сегодня то, чему вчера поклонялись,—социалистические принципы и идеалы. Бесспорно, для Независимой Рабочей Партии борьба несколько облегчается тем обстоятельством, что в стране «низкого, алчного народа торгашей» граждане пользуются широкими политическими свободами; но все же эта борьба является великою заслугою со стороны партии и делает ей честь в наше время, когда мы видим кругом разнузданные джингоистские страсти и спущенное социалистическое знамя в прочих воюющих странах. Перед нами — одна из самых блестящих глав в истории освободительной борьбы интернационального пролетариата.

«Утренний перезвон» доносится к нам и с Востока, где юный пролетариат выступил первым в текущем столетии, пойдя в 1905 году на приступ для завоевания свободы. Русская социал-демократия своим решительным и повторным отклонением военных кредитов в «истинно-патриотической» Думе, лицом к лицу с насильниками царизма, покрыла себя неувядаемой славой. Не менее достойно восхищения и последовательное социалистическое поведение ее печати и огромного большинства ее вождей; подтверждение этому мы находим в недавно занятой ими позиции по отношению к Лондонской конференции социалистов стран Антанты. Но не имеем ли мы во всех этих случаях дело с одним лишь политическим донкихотством крохотных групп «мастеров по части резолюций», которые, не имея действительного контакта с трудящимися массами, не пользуясь влиянием на эти массы, могут позволять себе роскошь принципиальной, но беспочвенной политики? Даже в глазах людей, не знающих истории русской социал-демократии, против подобной унижающей оценки должен говорить уже один тот факт, что в избранной при помощи совершенно исключительных реакционных ухищрений Думе

существует социал-демократическая фракция—парламентское представительство рабочих, которым только в упорной борьбе с царскими палачами и с полицейскими прислужниками капитала удается осуществлять свои жалкие политические права. Но, помимо этого факта, в нашем распоряжении есть в высшей степени ценное сообщение, свидетельствующее о том, как относятся к войне лучшие элементы рабочего класса России, с какою спокойною твердостью они проносят сквозь шквал шовинизма принципы интернационального социализма и требования мира. В газете «Бремер Бюргерцейтунг» опубликован отчет о положении в России, составленный двумя делегатами, командированными в начале января петербургскими товарищами заграницу. На них была возложена задача — переговорить с живущими в эмиграции вождями русской социал-демократии о тактике по отношению к войне. Мы предоставляем слово самим делегатам,—в их простой речи проглядывает неприкрашенная правда:

«В Петрограде массовыми арестами накануне войны было совершенно дезорганизовано партийное и профессиональное движение. Рабочая масса осталась без всякого руководства со стороны партии. Тем не менее, рабочие социал-демократы были против войны. Они попытались по собственной инициативе устроить ответные демонстрации против патриотических манифестаций, организованных полицией и мелко-буржуазными элементами, но были везде разогнаны полицией. Из провинции мы получали сообщения в таком же роде... Мы встречаемся с рабочими самых разнообразных профессий и можем утверждать самым положительным образом, что враждебное отношение к войне усиливается с каждым днем. Мы не встретили ни одного рабочего, который высказался бы за гражданский мир с царизмом... Наилучшее представление о настроении рабочих дают подпольные воззвания, напечатанные типографским способом или размноженные при помощи пишущей машины или гектографа и выпускаемые самими рабочими: ведь так называемая партийная интеллигенция почти-что вся арестована. Эти воззвания появляются во всех промышленных центрах, и все они говорят только об одном: о борьбе с царизмом».

«Другое доказательство: рабочие отказываются от участия в денежных сборах на войну... Например, в Петербурге, на заводе «Вулкан», несмотря на все насильственные меры фабричной администрации, из общего числа в 5—6 тысяч рабочих сделали взносы всего 300 человек. Нет, сознательные русские рабочие остались врагами войны и царя... Самый злободневный вопрос—это борьба против войны. Мы не знали, каковы намерения зарубежных товарищей, но считали необходимым при-

ложить все усилия к делу организации движения, которое вынудило бы правительство положить конец войне. Мы будем бороться под лозунгом мира без аннексий и добиваться демократической республики... Ошибки братских партий не должны удерживать нас от выполнения нашего долга. Только своею активностью мы можем приобрести влияние на братские партии. Мы будем итти своим путем борьбы и надеемся, что уроки войны приведут к тому, что Интернационал возродится более сильным и более сплоченным. Ему придется действовать в атмосфере резче выраженных противоречий; поэтому мы надеемся, что все вредные иллюзии исчезнут.»

Гулко доносится утренний перезвон международной солидарности и воли к миру из стана женщин, в особенности женщин-социалисток, пролетарок. Конечно, в воюющих странах найдутся везде партийные женщины, восторженно несущие хоругвь новой буржуазно-патриотической веры в отечество и отставившие в скромный уголок старое боевое знамя социализма. Однако, в конечном счете, женщины-социалистки повсюду обнаружили гораздо больше стойкости, чем мужчины, в своей принципиальной оценке, как мировой войны, так и своей собственной задачи. А в соответствии с этим, стойко держится юный женский социалистический Интернационал, а внутренние узы, связывающие партийных женщин всех национальностей, стали крепче и сердечнее, несмотря на затруднительность внешних сношений.

В воюющих государствах английские социалистки первыми, перед лицом бьющегося в лихорадке мира, заявили в «Послании к женщинам всех стран» о своей интернациональной солидарности и своем горячем желании мира. Честь и слава этим смелым женщинам! Здесь невозможно и перечислить все те многочисленные выражения сочувствия, которыми немедленно откликнулись на послание социалистки нейтральных стран. Но отклики из воюющих государств мы считаем необходимым отметить. Русские партийные женщины приветствовали послание, как проблеск надежды над мрачной бездной братоубийства; австрийские социал-демократки, на первом же своем многолюдном собрании, постановили послать ответ, составленный в сердечных выражениях; тов. Цитц ответила письмом с выражением братских чувств социалисток Германии. Заведывающая интернациональным секретариатом в своем ответном письме уверяла английских товарищей-пролетарок в признательности и преданности социалисток всех стран и заявляла о солидарности также и с пролетарками прочих вовлеченных в войну стран. В письме заключалась оценка, с социалистической точки зрения, причин и характера мировой войны и указание на то, что добиваться мира—это ближайшая вели-

кая общая задача всех социалисток. Эта идея, в еще более определенной форме и с более детальной мотивировкой, была выдвинута в середине ноября перед женским социалистическим Интернационалом: воззвание интернационального секретариата призывало к планомерной и энергичной кампании в пользу скорого мира. Само собою понятно, что в нейтральных странах наши товарищи-пролетарки позаботились о самом широком распространении этого воззвания. Но важнее знать, какова была его судьба в воюющих странах. В Германии цензура не допустила опубликования воззвания в «Gleichheit»; в газете «Wiener Arbeiterinnen-Zeitung» оно прошло, но было порядком изуродовано рукою недремлющего начальства. Английским товарищам власти предержащие не препятствовали опубликовать воззвание и высказаться за предложенную в нем практическую работу. Русские товарищи приложили все усилия к распространению воззвания.

В Голландии, Италии, Швейцарии, в странах Скандинавии и в Соединенных Штатах женщины-социалистки на собраниях и в печати ведут борьбу против империалистической мировой войны и за мир, не представляющий собою бесплотного призрака, а наоборот, соответствующий социалистическому представлению о праве национальностей и народов. В государствах, не втянутых в войну,—в Швейцарии, Скандинавии, Голландии,—женский конгресс в этом году обещает превратиться в импозантную мирную манифестацию с резко выраженным интернациональным характером. Женщины-социалистки воюющих стран, несмотря на военное положение и гражданский мир, не лишены возможности присоединиться к возгласу своих сестер: война войне! Было бы желание, а пути найдутся,—в этом убеждает нас мужественное поведение парижских товарищей-пролетарок.

Сознание международной солидарности и воля к миру остались живы также и в кругах буржуазных женщин, в особенности в среде поборниц женского равноправия. Выходящий в Лондоне орган всемирного союза борьбы за избирательное право женщин—«Jus suffragii»—сообщает в каждом номере о смелых выступлениях в пользу мира. Конечно, во всех воюющих странах против этого восстают сверх-патриотки, которые с неменьшим усердием, чем патриоты из Союза защитников отечества, поддерживают напев о необходимости «войны до конца». Но наряду с ними очень многие и очень видные вожди буржуазных женщин остались верны старым идеалам, сохранили эти идеалы, как наследие той эпохи, когда либерализм переживал свою юность. Эллен Кей, Керри Чепман-Кетт и др. посвятили свой талант и свою мировую известность служению пропаганде мира. Характерно, что в этом деле в Германии проявляют максимум реши-

мости и активности те организации и женщины-вожди, которые ведут энергичную борьбу за всеобщее избирательное право женщин и за демократию. К таким организациям принадлежат союзы борьбы за избирательное право женщин в Мюнхене, Нюренберге, Гамбурге, Карлсруэ и, last, but not least, Женское Общество Мира; к вождям — Минна Кауэр, Анита Аугспург, Лида Гайман и Фрида Перлен. В первой половине февраля конференция буржуазных женщин в Амстердаме постановила немедленно приступить к подготовке международного женского конгресса, задачей которого будет выразить волю женщин к миру.

Мы не скрываем от себя, что адская симфония артиллерийской канонады и шумные националистические песни войны в ближайшее время будут заглушать требование мира, исходящее из глубины трепещущего женского сердца. Но это будет недолго, если женщины, если, в особенности, пролетарские женщины проявят серьезную волю. А они должны ее проявить, так как исторический факт этого ужасного взаимоистребления народов повелительно диктует им необходимость усиленной классовой борьбы, — борьбы тесно сомкнутою фалангою пролетариев. Политическое влияние возможно и без конституционных правовых титулов на прямое или косвенное участие в парламентской деятельности. Корни его — в явлениях социальной жизни и в тех идеях, в той воле, которые пробуждаются этими явлениями в людях. Мы, женщины, должны проникнуться сознанием значения нашей социальной роли и, следовательно, нашей реальной силы, которую мировая война именно и осветила ярким светом. Мы должны использовать эту силу, смело выступая впереди в войне против войны и при помощи грандиозных манифестаций придавая политический вес нашей воле к миру, как сознательно сконцентрированной массовой воле. Это — первейшая и важнейшая область, в которой мы можем претендовать на историческую роль в такое время. За подобную борьбу нас будут ругать «плохими патриотками», нас будут обвинять в измене отечеству. Пусть! Разве нас, социалисток, когда-нибудь щадила клевета, и разве она сковывала когда-нибудь нашу активность? Те, в чьих руках власть в данный момент, станут, быть может, преследовать нас, воздвигнут гонение на наши идеи и наше дело, будут карать за них. Но если бы такая перспектива могла запугать нас, мы были бы недостойны лелеять мысль об освобождении и возвеличении человечества социализмом. Таким образом, и мы считаем нужным «продержаться во что бы то ни стало», но только, в отличие от новообращенных социалистов-империалистов, ради цели прямо противоположной: продержаться против империализма и во имя социализма.

Мы выявили живые силы, приходящие в движение, как в стане женщин, так и в трудящихся классах различных, в том числе и воюющих стран, — силы, ставящие себе целью, путем воссоединения пролетариев и возобновления ими классовой борьбы, установить мир между разъединенными трудящимися народами. Объединить эти силы в единую волю и в единое действие,—как в национальном, так и в интернациональном масштабе, —таков для социалистов категорический императив нашего злополучного времени. Здесь перед нами — историческая задача величайшей важности, к спешному и энергичному выполнению которой должна была бы приступить, в особенности и в первую очередь, германская социал-демократия, чтобы искупить грехи, содеянные ею, в качестве союзницы империализма, по отношению к рабочему Интернационалу. Ее решение и ее поведение тем более важны, что она представляет собою самый многочисленный отряд Интернационала, что она всегда вызывала восхищение своею образцовою разработкою теории и практики социализма, и что ей принадлежала, можно сказать, никем не оспаривавшаяся роль вождя. К сожалению, в данный момент непохоже на то, чтобы партия сознала свой долг. Многое, очень многое следовало бы загладить и французской социал-демократии. Свести счеты с нею —это неотложное дело тех французских товарищей, которые не захотят долее терпеть, чтобы их партия и пролетариат продолжали оставаться жертвами и соучастниками политики господствующих классов. Мы же относительно Германии констатируем позорный факт, что здесь столь гордая социал-демократия находится в настоящее время в плену у империалистической военной политики и оказывается несостоятельной в борьбе за мир. Правда, мы слыхали благочестивые пожелания мира, которыми президиум партии, комитет партии, фракция рейхстага и прочие высшие инстанции пытаются уверить нас в незыблемости «принципиальной позиции партии». Но, как бы мы ни искали, мы не найдем тут одного, — воли к действию, той воли, которая призвала бы массы развить для дела мира, — а следовательно, ради своих же собственных интересов, — такую же энергию и принести такие же жертвы, каких требует от них империалистическая война. Без этой воли к действию самые красноречивые декларации представляют собою пустой звук.

Чего ждут руководящие инстанции германской социал-демократии, чтобы решиться проявить подобную волю? Не дожидаются ли они, под грохот орудий, с спокойствием и мудростью дельфийского оракула, «подходящего момента», чтобы бросить тогда всю мощь партии на ту чашку весов, на которой написано: «мир»? Полагают ли они, что не должны начинать действовать,

раньше, чем французская братская партия протянет им по всей форме ищущую мира руку? Нам думается, что у всех, не решающихся приступить к борьбе за мир, мы найдем в их подсознательной сфере идеологию буржуазного национализма, а не международного социализма. Политическими целями германского империализма и стратегическими масштабами его армий не могут определяться наши действия, как интернациональных социалистов. Чем дольше продолжается опустошающая Европу борьба народов, тем острее становится необходимость положить ей конец во имя настоящих и будущих интересов пролетариата, самым очевидным образом совпадающих в данном случае с высшими интересами человечества. И даже если стоять на узко-национальной точке зрения, то Германия представляет собою то из воюющих государств, которое менее всего должно опасаться, чтобы категорическая воля к миру не была истолкована, как бесславный симптом «усталости от войны» и «слабости». На наш взгляд, не побратски и неполитично поступают те, которые поведение германской социал-демократии ставят в зависимость от поведения французских социалистов. Не следует, ведь, забывать, что, кроме Бельгии, значительная часть восточной и северной Франции находится в руках немцев. Хотя мы и осуждаем решительно французскую социал-демократию за то, что она не расторгает своего соглашения с буржуазным правительством и не восстанавливает своего братского союза со всем рабочим Интернационалом, но все же, в виду создавшегося положения, мы можем понять ее поведение. А помимо того и прежде всего: с каких пор ошибки братских партий дают нам отпущение наших грехов? С каких пор они заменяют нам отсутствующую у нас добродетель? По этому поводу мы позволим себе повторить скромные, достойные и умные слова русских делегатов: «Ошибки братских партий не должны удерживать нас от выполнения нашего долга. Только своею активностью мы можем приобрести влияние на братские партии».

Итак, первейшим долгом германской социал-демократии, германских рабочих, мы считаем немедленное энергичное выступление в пользу мира, — выступление вместе с вождями, если они, наконец, решатся на это; без вождей, если они и в дальнейшем будут колебаться и медлить; против вождей, если они вздумают тормозить дело. Только подобным выступлением в пользу мира можно положить начало подведению прочного фундамента под дело возрождения рабочего Интернационала. Того, что разбито вдребезги злосчастной войною, не спаять воедино ни высокопарными уверениями вождей в солидарности и в симпатиях, ни мудро придуманными резолюциями относи-

тельно соглашательского мира. Величественное здание Интернационала может быть восстановлено только на основе доверия пролетарских масс, братски сомкнувших свои ряды под общим стягом, при зареве пожара классовой борьбы. «В начале было дело!» — эти слова подходят и к данному случаю. Между тем — «раннего утра уже начался перезвон». На призывный звон колоколов германский пролетариат должен ответить: я готов!

ИЗ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Трещина во фракции прусского ландтага.

Статья Генриха Штрёбеля.

Берлин, 17 марта 1915 г.

Конрад Гениш опубликовал во вчерашнем номере газеты «Гамбургер Эхо» статью, в которой, весьма кстати, бросает яркий свет на трещину, образовавшуюся в социал-демократической фракции прусского ландтага и, кстати сказать, проходящую сквозь всю партию вообще.

Правда, уже депутат ландтага Гирш, в газете «Френкише Тагеспост», писал об этих «несогласиях», но он старательно обошел щекотливые стороны вопроса. На его взгляд, расхождения были как бы притянуты за волосы, были искусственно вызваны неуместным внесением политических вопросов, касающихся империи в целом, между тем как для фракции ландтага, в условиях прусской идиллии, все сложилось бы так удобно, если бы она ограничила себя рамками предоставленных ее ведению прусских дел. Фракции ландтага надо было только просто-напросто пройти мимо войны и всех выдвинутых войною политических проблем,— и тогда в ее заседаниях не могли бы возникнуть какие бы то ни было раздоры. Но вот в этой группе нашлись несдержанные люди: они не захотели попросту пройти мимо ужасных фактов войны; они не сочли допустимым, в мудром самоограничении, предоставить все высшему усмотрению фракции рейхстага; они были глубоко потрясены «великой эпохою» и — вот уж чудаки! — вообразили себя обязанными, в качестве социал-демократов, высказаться и в прусской палате по поводу великих злободневных проблем. Такие люди нашлись в том и другом крыле

фракции, и так как обе группы были одинаковы по своей численности, то, в конце концов, оказалось невозможным помочь делу и крайним средством — постановлением большинства. Оба направления выдвинули своих ораторов, и так как «горячие головы» (как их называет Гирш) не сумели обуздать себя, то в их речах проявились удивительнейшие диссонансы.

Мы готовы согласиться с товарищем Гиршем, что это было некрасиво само по себе и далеко не назидательно для партии. Но ведь горечь создавшегося положения, в конце концов, коренилась не в личностях Либкнехта или Гениша и не в их неумении обуздать себя, а в той трещине, которая в настоящее время проходит сквозь всю духовную жизнь партии, в том невероятном брожении и замешательстве, которое вызвало в рядах социал-демократии колоссальное по своему значению событие—мировая война. И так как этот процесс брожения все же должен, в конце концов, закончиться прояснением, то мы не только не усматриваем несчастия, но — наоборот — видим прямо необходимость в том, чтобы и вся масса партийных товарищей была возможно полнее посвящена в смысл тягостных разногласий, дабы и эта масса обдумала проблемы, а затем вынесла свое решение. Ведь сущность демократии состоит, надо полагать, не в том, чтобы «вожди» и «инстанции» решали все споры в своем тесном кругу и затем давали директивы миллионам своих приверженцев, а в том, чтобы широкие пролетарские массы выслушивали все доводы за и против, а затем, зрело обсудив вопрос, сами избирали тот или иной путь. Для подобной ликвидации существующих разногласий и для подобного зрелого обсуждения вопросов время наступит лишь по окончании войны; однако, вреда от того не будет, если массы знают уже в настоящее время, насколько велики и остры те разногласия, которые придется партии вырешить в будущем.

С этой точки зрения, мы можем только приветствовать статью Гениша в «Гамбургер Эхо». Он ничего не затушевывает и не прикрывает, но и не преувеличивает, говоря о своих идейных противниках словами Лютера: «у них другой дух». В правильности этого взгляда мы имели возможность достаточно убедиться на заседаниях фракции. Впрочем, нет вовсе и надобности ссылаться на дискуссии в тесном кругу фракции: достаточно заглянуть в стенографические протоколы заседаний палаты депутатов, чтобы убедиться, что Гениш и Либкнехт (также Лейнерт и моя скромная персона) попросту перестали понимать друг друга.

Гениш и делает из этих фактов — опять-таки с похвальною откровенностью — свои выводы. Партейтаг, говорит он, превра-

тится в трибунал,—разумеется, для «озорников». И этот партийный суд пусть не церемонится и произведет решительную чистку,—таково желание Гениша. Чем терпеть, чтобы парализующие партийные раздоры в течение многих лет причиняли ущерб великим задачам пролетариата, так уж лучше—думает Гениш—сразу покончить со всеми этими «бесчинствами Либкнехтов и ему подобных» и выставить озорничающих за дверь. Вышвырнуть за борт «рыцарей принципа» и сутяжников партии, по мнению Гениша, удастся безболезненно, потому что за кучкою подобных вождей не последует сколько-нибудь значительное число сторонников.

Очень мило со стороны Гениша, что он высказывает без всяких обиняков, к чему клонится дело. Быть может, он просто выбалтывает то, что у других наболело на душе. Ведь некоторые профсоюзные газеты уже несколько месяцев тому назад угрожали, что придется вышвырнуть «озорников». В этих кругах публика стала с тех пор осторожнее, но товарищ Гениш настроен до сих пор очень оптимистично.

* * *

Разногласия, возникшие во фракции ландтага, по своему смыслу вполне тождественны с расхождениями, обнаружившимися в партии с момента возникновения войны.

С начала августа 1914 г. партия стала «переучиваться». До этого времени партия в своем большинстве, как это видно из всех постановлений партийных съездов, занимала по отношению ко всякому империализму резко отрицательную позицию. В ее непоколебимой вражде к какой бы то ни было империалистической войне не посмел бы усомниться и самый отчаянный пессимист. Кандидатом для дома умалишенных назвали бы того, кто вздумал бы пророчить, что через несколько месяцев германские «радикалы» станут прославлять мировую войну, как желанное событие, сулящее расцвет германского пролетариата и социализма.

Точно так же считалась совершенно исключенной возможность вотирования военных кредитов. В настоящее же время большинство фракции рейхстага говорит о разрешении этих кредитов, как о чем-то «само собою понятном»; да и вообще у нас сделано изумительное открытие, что истинная сущность социалистическо-пролетарского интернационализма заключается в безоговорочном служении национализму. Это—совсем еще недавнее открытие; ведь мы знаем со слов товарищей Ренoделя и де-Мана, что еще накануне возникновения войны представитель Ц. К. германской партии заявил французским товарищам, что фракция рейхстага, по всей вероятности, **воздержится** от голосования, а

то и вовсе будет голосовать **против** военных кредитов. Заграницей, в нейтральных странах, такую позицию и считали чем-то само собою разумеющимся. Престарелый Герман Грейлих, в течение многих десятилетий состоящий вождем швейцарской социал-демократии, — притом человек, которого еще никогда ни один из германских товарищей не имел случая изобличить в крайнем радикализме,—лишь на этих днях высказался по этому поводу следующим образом: «Когда было получено телеграфное сообщение о том, что и социал-демократы голосовали единогласно за военные кредиты, мы этому **не поверили**. Но вслед за тем пришло подтверждение вместе с текстом сделанного фракцией заявления. **Это был удар обухом по голове**». А насчет поведения германской партии в течение последних месяцев (поскольку и настоящее время можно на партию возлагать ответственность за поведение большинства ее активных работников) Грейлих говорит: «Мы с изумлением видели, что руководящие германские товарищи продолжают оставаться во власти **военного безумия**».

В германской партии также нашлись люди, слишком долго прожившие в верности традициям партии и в мире социалистических идей, чтобы быть в состоянии «сменить вехи» так быстро, как это сделали Гениш и Ленш. В числе десяти членов фракции прусского ландтага оказалось даже целых пять таких староверов, о которых Гениш в своей знаменитой речи говорил тоном иронии, смешанной с состраданием, как о людях со слабым интеллектом. Неудивительно, что в этой фракции не прошло все так гладко, как во фракции рейхстага, где большинство, хотя также не могло переубедить меньшинство и рассеять гложущие его совесть сомнения, но все же имело возможность попросту подавить его численным превосходством своих голосов.

* * *

У Гирша мы читаем: «Какое дело фракции прусского ландтага до проблемы войны? Пусть ломают себе над нею голову депутаты рейхстага». Но, вот, господа буржуа были иного мнения. Они, в качестве представителей Пруссии, этого важнейшего из союзных государств, охватывающего $^2/_3$ населения всей империи, очень хорошо сознавали свой удельный вес. Война была — это они чувствовали — **их** делом; ход войны, ее задачи касались, в первую голову, **их**, господ крупных землевладельцев, господ крупных промышленников, представителей движимого капитала. Поэтому палата депутатов сочла своим долгом не только принять все связанные с войной социальные мероприятия, входящие в ее законодательную компетенцию, но и превратить обе свои сессии военного времени в импозантные манифестации в пользу войны.

Если бы даже резолюция международного Штуттгартского конгресса не налагала определенных обязательств на случай войны, то все же, при такой ситуации, первым долгом для социал-демократической фракции было бы выявить свое отношение к подобной манифестации. Однако, в декларацию социал-демократической фракции с великим трудом, пятью голосами против четырех, удалось включить известный «пункт о мире», представляющий собою поистине лишь крупицу того, чего надо было ожидать. Меньшинство фракции приводило обычные возражения: «Разумеется, и мы желаем честного и справедливого мира, но сейчас — момент, не подходящий для декларации в этом смысле. Заграницей она могла бы быть истолкована, как симптом слабости, а это только затянуло бы войну». С такой аргументацией можно в любой момент отвергнуть всякую социал-демократическую манифестацию в пользу мира!

Окончательно столкнулись оба направления во фракции при обсуждении в пленуме вопроса о цензуре и об осадном положении. Большинство буржуазных партий, руководимое свободными консерваторами и национал-либералами, потребовало от правительства допущения публичного обсуждения целей войны и условий мира. Правительство обещало удовлетворить это пожелание в тот момент, когда обсуждение означенных вопросов станет допустимым по соображениям военного и политического характера. Интерпеллянты временно удовлетворились таким ответом. Они ведь, пока-что, достигли своей цели: выразили крайнее свое неудовольствие по поводу мнимого несправедливого и недружелюбного отношения властей к аннексионистам и дали ясно понять правительству, чего ждут от имперского правительства в вопросе об условиях мира они, господа положения в Пруссии. В действительности, стало быть, дело сводилось вовсе не к озабочивающему буржуазное большинство поведению цензуры в будущем, а к неприкрытому выпаду против «пораженцев». Поэтому мне представлялось само собою понятным, что я, как оратор по данному вопросу, обязан не только выступить с жалобами на цензуру, но и охарактеризовать социал-демократическую позицию в вопросе о проблеме мира. Но, несмотря на то, что я свою речь в части, касающейся целей войны, изложил в самых осторожных выражениях, какие только мыслимы, застраховав ее от всякого шовинистического истолкования заграницей, эта часть моей речи встретила суровое осуждение со стороны большинства фракции, постановившего вычеркнуть ее. В ответ на это я заявил, что после устранения важнейшей части моей речи, я вынужден отказаться и от утратившей всякое значение остальной ее части, и в **этом**, по крайней мере, я был вполне понят тов. Генишем.

Чтобы составить себе представление о глубине той пропасти, которая образовалась между обеими группами во фракции (равно как и в партии), необходимо припомнить речь Гениша по поводу бюджета министерства народного просвещения.

Всем нам знакомы непостижимые для социалиста и марксиста иллюзии известных кругов партии. Война—говорят нам—это купель, омолаживающая нацию социально и морально. Совместно пролитая кровь крепче спаивает части нации, устраняет «предрассудки» и приводит к гармоническому разрешению столь резкие зачастую диссонансы классовой борьбы. К профсоюзам впредь не будут относиться хуже, чем к христианским союзам рабочих; стремления партии не будут осуждаться, как «враждебные порядку»; социальное законодательство развернется шире, а очистившийся от подозрения в «неимении отечества» пролетариат получит более широкие политические права. Далее, к внешней гармонии присоединится культурный подъем народа. В парламентах мы не услышим больше слов гнева и не увидим вспышек ненависти; как честные, благожелательные люди, противники будут, наподобие рыцарей, грациозно скрещивать шпаги. (Сторонников Либкнехта, будь они распречестные ребята и вчерашние друзья сердечные, надо выбросить из партии, потому что у них — «дух другой», но с господами фон-Рихтгофеном и Цедлицем можно столковаться!) Национальному и социальному духу будет соответствовать прекрасная свободная культура. — Эта картина будущего так обольстительно хороша, что вдохновила Гениша в одной из его брошюр на пророческие вирши:

О, Господи, каким цветком чудесным
Германия такая расцветет!

Если бы Гениш не был неизлечимым галлюцинантом, его сразу должны были бы вернуть в реальный мир речи, произнесенные представителями прочих партий во время дебатов по поводу сметы министерства народного просвещения. Ведь уже речь консерватора фон-Гослера обнаружила, чего эти господа ждут и могут ждать от войны. Утверждение Ф.-Гослера, будто немцы «в отношении культуры и нравственности обнаружили огромное превосходство над всеми народами, о которых теперь говорят»,— это еще невинный цветочек. Более серьезные опасения внушало восхваление Гослером «попечения о церковной жизни», давшего теперь «обильную жатву», как и вообще подчеркивание «наблюдаемой во всем нашем народе глубокой тяги к внутреннему сосредоточению, к религиозности». А когда оратор консервативной партии потребовал, как чего-то само собою понятного, недопу-

щения «русских и японцев» в высшую школу и высказал надежду что «переживаемая нами великая эпоха даст толчок к общему расцвету нашего германского искусства», то нам стало достаточно ясно, что клерикальная реакция собирается пожать плоды войны не в одной только Франции.

Впрочем, и речи всех остальных буржуазных ораторов носили приблизительно тот же отпечаток. Господин Кауфман из партии центра сказал, между прочим: «Пусть наше германское искусство и, в особенности, наша поэзия теперь, в этой великой войне, освободится, наконец, из обольщающих объятий заграницы, с их мертвящим влиянием на немецкую душу». Национал-либералу фон-Кампе принадлежат такие слова: «Школа, не проникнутая духом нашего времени, ничего не стоит. В настоящее время школе неминуемо, как бы со стихийной силой, будут поставлены совершенно новые цели и указаны совершенно новые пути». А оратор свободомыслящих Эйкгоф не только подчеркивал этот национал-либеральный идеал школы, но и почтительно расшаркивался перед духовенством.

Как же реагировал на все это Гениш? Изобразил ли он, в противовес этой националистически реакционной программе, социалистические идеалы культуры? Будем справедливы: он против многого возражал, защищал международное взаимооплодотворение искусства и науки, порицал слишком резкие шовинистические уклоны и т. д. Но центральными пунктами в его речи были: отстаивание «гражданского мира», националистическое воодушевление и фанатическая надежда на «победу».

Карл Либкнехт как-то сказал, что в Германии, вероятно, не найдется человека, который был бы настолько извращен, чтобы желать поражения Германии. Но со стороны социал-демократа такою же извращенностью было бы желать поражения наших противников. Социал-демократ видит счастие всякой нации и торжество культуры не в насильственном подавлении той или другой стороны, а во взаимном согласии. Такой взгляд отстаивал до момента возникновения войны каждый социал-демократ; в этом смысле высказался также 10 марта, от имени социал-демократической фракции рейхстага, тов. Гаазе.

Гениш стоит на другой точке зрения. Он разделяет взгляд тов. Ленша, который считает торжество германскаго империализма равнозначущим с торжеством германского пролетариата и... марксизма; это он высказал в своей речи не менее трех раз. По его стопам пошел и тов. Лейнерт 5 марта, при обсуждении бюджета железнодорожного ведомства.

Что хорошо для германских социал-демократов, то не худо и для русских, французских и английских социалистов. Наши

германские товарищи не вправе осуждать их, если они, на манер Гениша, настаивают с высоты парламентской, а то и министерской трибуны, на «полной победе» своей страны. Если Гениш гордо именует себя социал-демократом-германцем или германским социал-демократом, то, например, к Плеханову не хуже идет титул русского, а к Вальяну—титул французского социал-демократа. Все они помогают раздувать пламя войны и добиваться «полной победы»... во славу социалистического Интернационала!

Не приходится удивляться тому, что такой старый и умеренный социал-демократ, как Герман Грейлих, говорит о «военном помешательстве» некоторых социал-демократов, которое он может себе объяснить только влиянием «навязчивых представлений» (idées fixes). Вполне понятно также, что, при таком расхождении во взглядах, о соглашении между обеими группами фракции прусского ландтага не могло быть и речи, ибо каждая сторона должна сказать о своих противниках: у них — дух другой!

* * *

Мы считаем в высшей степени отрадными и расхождение умов и столь неприкрытое выявление нового веяния,—национального социализма (можно даже сказать—национал-социализма, потому что никакой другой программы не отстаивал пастор Науман, а Ленш превосходно вульгаризовал бывшего национал-социалиста Рорбаха): ведь с восстановлением нормальной жизни партии придется самым основательным образом разделаться с заблуждениями и с идейной путаницей.

Лишь в одном мы не согласны с Генишем, именно — с его убеждением, что масса германского пролетариата восприммет новое евангелие социализма, основывающего свои чаяния на войне и связанных с нею иллюзиях, и что, в виду этого, кучке «озорников» остается покорно приступить к укладыванию своих чемоданов. Мы верим в обратное, потому что полвека социалистической школы и просвещения не могло пройти для масс так бесследно, как того ожидают виртуозы по части «смены вех».

Ведь на самом деле вся эта злобная ругань по адресу «озорников», все эти бешеные угрозы мнимого большинства обнаруживают только нечистую политическую совесть и внутреннюю неуверенность. Если бы это было не так, то почему бы стали так сломя голову торопиться «вышвырнуть» товарищей, все преступление которых заключается в верности прежней теории и тактике партии, между тем как раньше, в продолжение десятилетий, с кротостью ягненка терпели бесконечное «озорничание» ревизионистов?

С наибольшим удовольствием Гениш и Ко сплавили бы «озорников» немедленно, путем созыва чрезвычайного партейтага. Но так как это, к сожалению, невозможно, то приходится быть готовым к тому, что они попытаются застигнуть «озорников» врасплох, созвав партейтаг в настолько ускоренном порядке, чтобы не оставалось достаточно времени для необходимой дискуссии в печати и на собраниях, и чтобы определенные выборные органы в нынешнем своем составе выступили «судьями» в своем собственном деле. Но и такая попытка, надо полагать, потерпит позорное фиаско, натолкнувшись на демократическое чувство и здоровое политическое чутье партийных масс.

Если Гениш не успеет снова, со свойственным ему проворством, «сменить вехи», то легко может случиться, что ему придется с ужасом констатировать относительно самих пролетарских масс Германии, что у них—дух другой!

II.

Разложение фракции рейхстага.

Берлин, 31 марта 1915 г.

Тов. Либкнехт собирался поместить на страницах этого журнала статью, посвященную тактике социал-демократической фракции германского рейхстага. Но уже в начале января Либкнехт был призван в войска, и мы, к величайшему для нас прискорбию, лишены были возможности приветствовать его в кругу наших сотрудников. Кроме того, заявляем, что он и косвенно к настоящей заметке причастен так же мало, как любой другой из членов фракции рейхстага. Мы только собрали материал, уже опубликованный в некоторых органах, как буржуазной, так и социал-демократической печати.

О событиях, происходящих во фракции рейхстага, буржуазная пресса часто бывает осведомлена лучше или, по меньшей мере, скорее, чем социал-демократическая пресса. В «Форвертс'е» даже сообщалось об одном случае, когда «Берлинер Тагеблатт» в своем вечернем издании, заканчиваемом печатанием в 3 часа пополудни, опубликовал постановления фракции, о которых «Форвертс», к набору которого приступают в 4 часа, мог сообщить лишь на следующее утро, ссылаясь на сообщение «Тагеблатт'а», так как дать собственное сообщение он не мог в силу запрета, исходившего от фракции. В этом, однако, как объяснил в партийной прессе тов. Штампфер, не повинен ни один из членов фракции, если говорить об умышленной вине. «Кто знаком

с внутренней жизнью рейхстага,—читаем мы у Штампфера, — тот знает, как трудно фракции что-либо сохранить в тайне. О всяком важном событии во фракции уже спустя час говорят все в кулуарах. И причиною несоблюдения тайны почти никогда не бывает злой умысел; причина почти всегда кроется в случайности или в неуместной доверчивости. Напр., два члена фракции вели между собою громкий разговор или же кто-нибудь доверил тайну человеку, с которым его связывает личная дружба, тот доверил ее другому и, смотришь, скоро секрет известен уже всему городу». В этих строках Штампфер ярко изобразил ту страсть к сплетням и ту претенциозность, которые процветают, как нигде, в кулуарах бессильных парламентов.

Но в таком случае зачем скрывать, как некую религиозную тайну, от наивной 4-миллионной массы избирателей-социал-демократов то, что известно «всему городу», т.-е. каждой буржуазной фракции и каждому из членов правительства? Спокойное чувство собственного достоинства народного представителя не должно переходить в холодное самомнение школьного учителя, вроде того, какое проявил недавно один из членов фракции в закрытом собрании в одном из предместий Берлина: он распек какого-то бойкого избирателя за «преступное любопытство», выразившееся в том, что последний задал депутату вопрос относительно факта, известного уже в течение нескольких недель «всему городу». Что касается нас, то мы не желаем терзаться муками «преступного любопытства» и потому ограничимся теми данными, которые уже давно стали достоянием печати. А эти немногие вступительные слова мы сочли необходимыми для того, чтобы наивная масса социал-демократических избирателей не заподозрила нас в намерении сделать «разоблачения», что нам совершенно чуждо.

* * *

Социал-демократическая фракция рейхстага заседала со дня начала войны четыре раза. В первый раз — 3 августа 1914 г., когда ей предстояло решить вопрос об утверждении первого военного займа в сумме 5 миллиардов. Чего в тот момент ждали от фракции, и чего надо было ждать от нее в соответствии с программою партии, с постановлениями партийных съездов, с постановлениями международных конгрессов, а также со всеми традициями германской социал-демократии, — по этому вопросу высказался за несколько дней перед тем, в официальной беседе с французской братской партией, секретарь германской партии Герман Мюллер: он заявил, что фракция либо отклонит требуемые правительством кредиты, либо воздержится от го-

лосования, и что возможность голосования за кредиты, по его мнению, исключается.

Фракция, однако, 78 голосами против 14 высказалась за разрешение кредитов. Декларация о мотивах голосования, сделанная ею с предварительного согласия правительства и буржуазных фракций, уже развеяна ветром в пережитое с тех пор бурное время. Что касается «культуркампфа» против царизма, игравшего главную роль в декларации, то в настоящее время даже самый ограниченный филистер может говорить о нем только пожимая плечами. Зато декларация умалчивает об аргументе, который имел решающее значение, по крайней мере, для части членов фракции: о боязни насилий, будь то со стороны правительства, или со стороны фанатиков вроде того, от руки которого пал Жорес. Члены фракции не хотели, чтобы национальная честь была запятнана подобным актом.

Впоследствии стало известно, что часть вотировавших кредиты (приблизительно 20 или 30 человек) голосовала бы сепаратно в том случае, если бы большинство фракции решилось отказать в кредитах. Когда же решено было голосовать за кредиты, вопрос о сепаратном голосовании встал перед меньшинством в числе 14 человек, усматривавшим в постановлении большинства попрание принципов партии. Если это меньшинство все же не решилось голосовать против кредитов, то у него, без сомнения, были для этого очень веские основания. При оценке положения вещей в целом приходилось основываться больше на слухах, чем на достоверных сведениях; казалось вероятным, что, несмотря на падение большинства, предстоят тяжелые конфликты с правительством; и вот, сочли необходимым избегнуть всего, что напоминало бы раскол в партии. Первый председатель Ц. К. партии, шедший с меньшинством, даже настолько подчинился фракционной дисциплине, что согласился, хотя и после долгого сопротивления, публично огласить декларацию большинства фракции.

Конечно, теперь нам все виднее, и мы можем сказать, что сепаратный вотум меньшинства дал бы более благоприятные результаты, чем его молчание: тогда за Иенским сражением вряд ли последовала бы такая быстрая капитуляция крепостей; кроме того, ошеломляющее впечатление от кажущегося единодушия фракции толкнуло значительное число партийных газет в объятия оголтелого шовинизма.

* * *

Когда рейхстаг был вновь созван на 2 декабря, чтобы вотировать второй по счету военный заем в сумме 5 миллиардов,

и фракция собралась 29 ноября на предварительное совещание, происхождение и сущность войны вырисовывались уже гораздо яснее, чем 3 августа. К этому времени было также пережито немало горьких разочарований. Соответственно этому, в двухдневных дебатах расхождения обозначались резче прежнего. Меньшинство насчитывало уже не 14, а 17 человек: один перешел к большинству, но зато от последнего откололись четверо. Меньшинство выдвинуло предложение — разрешить ему выступить перед пленумом со своим особым мнением. Но большинство отклонило это предложение; точно также оно не поддалось и на настойчивые увещания известного австрийского товарища—опубликовать энергичное воззвание в пользу мира и против нарушения нейтралитета Бельгии. Оно не могло, однако, решиться бессловесно вотировать военный заем и изготовило декларацию, заключавшую в себе несколько предостерегающих фраз относительно осадного положения, политики аннексий и бельгийского вопроса.

Эта декларация, подобно прежней, от 4 августа, была представлена на просмотр правительству и буржуазным партиям. Последние, а за ними и правительство, потребовали, чтобы означенные фразы были вычеркнуты или изменены. В связи с этим обнаружилось, что действительно «всему городу» было известно о том, что происходило в недрах фракции. Статс-секретарь Дельбрюк заявил, что ему известно про некоторых членов фракции, с их же слов, что они готовы голосовать за кредиты безо всякой декларации со стороны фракции; депутат народной партии Пайер сказал, что ему лично говорили социал-демократические депутаты, что они отнюдь не принципиальные противники завоеваний. В виду создавшегося затруднительного положения, группа в 20-30 членов фракции приняла решение, в случае уступки требованиям буржуазных партий, прочитать на пленуме декларацию без изменений, как свой сепаратный вотум. Под влиянием угрозы, большинство отклонило какое бы то ни было изменение или устранение тех фраз, против которых были сделаны возражения.

При голосовании, в заседании 2 декабря, члены меньшинства вышли из зала; остался один Либкнехт, который, не поднявшись с места, этим самым открыто голосовал против разрешения кредитов. После этого президиум фракции опубликовал в «Форвертс'е», в номере от 3 декабря, заявление о том, что «глубоко сожалеет об этом нарушении дисциплины, которое явится еще предметом обсуждения фракции». Это заявление не произвело никакого впечатления, между тем как мужественный акт Либкнехта зажег сердца сознательных рабочих, как в Германии, так и за ее пределами.

Конечно, можно было бы сомневаться в целесообразности поступка Либкнехта, отделившегося от меньшинства, которое так же, как и он было против разрешения кредитов. Но и по отношению к данному случаю оказывается, что теперь нам виднее. Ряд неопровержимых фактов доказывает, что поступок Либкнехта встретил живой отклик у германских товарищей, а для зарубежных товарищей этот поступок был первым лучом надежды на то, что лежащее в обломках величественное здание пролетарского Интернационала будет вновь воздвигнуто.

Нелепость утверждений буржуазных газет и даже ослепленных социалистов, будто Либкнехт своим поступком приподнял дух военных противников Германии и, таким образом, способствовал затяжке войны, достаточно освещается тем фактом, что шовинистическая пресса Франции изображала его, как правительственного агента, разыгравшего комедию революционной непримиримости для того, чтобы поднять заграницей престиж «императорской германской социал-демократии» и своим примером внести замешательство в ряды французских социалистов.

* * *

В третий раз фракция заседала 2, 3 и 4 февраля сего 1915 года. Она была созвана по инициативе тов. Ледебура, который настаивал на необходимости принять решение по вопросу о выступлениях Зюдекума заграницей в качестве добровольного агента правительства.

Но в первую очередь было подвергнуто обсуждению, в продолжительном заседании, дело Либкнехта. Подробностей, ставших известными относительно этого заседания «всему городу», мы здесь не будем касаться: они очень невыгодны для престижа партии. То же самое можно сказать, конечно, и обо всем деле, возбужденном против Либкнехта. Он нарушил фракционную дисциплину, чтобы спасти партийную дисциплину, которую фракция попрала ногами. Он нарушил мелкий формальный долг, чтобы выполнить более высокий нравственный долг. Борцы освободительного движения XVI века говорили в подобных случаях, что «надо больше повиноваться Богу, чем человеку». А один из борцов XIX века облек ту же мысль в несравненно более грубую формулу, из которой мы предпочитаем выпустить одно очень не-парламентское слово. Он сказал: «В то время как одна сторона... нарушает все законы, от другой стороны требуют самого щепетильного соблюдения даже устава». Эти слова принадлежат Карлу Марксу, и, напутствуемый ими, Карл Либкнехт, надеемся, не станет слишком огорчаться проклятиями, которые посылают ему Легины и им подобные.

Но возбужденное против Либкнехта дело о нарушении фракционной дисциплины не стоит того, чтобы о нем говорить в слишком высоком стиле. Один из тех 20 или 30 товарищей, которые, по недавнему признанию одного из них, собирались 3 августа пренебречь фракционной дисциплиной в том случае, если бы большинство решилось отклонить кредиты, назвал это дело «лицемерием и несправедливостью». Это совершенно верно, если принять во внимание, что значительная, если не самая значительная, часть фракции сама погрешила или, по крайней мере, готова была погрешить против фракционной дисциплины. В пользу фракции, как смягчающее ее вину обстоятельство, мы позволим себе еще привести тот факт, что отдельные пункты направленных против Либкнехта резолюций все же имели против себя голоса значительных меньшинств (15, 33, 39, 20, 26 голосов).

После дела Либкнехта фракция занялась делом Ледебура. Как справедливо указывал Ледебур, услуги, оказанные Зюдекумом самочинно германскому правительству заграницей, сильно скомпрометировали партию, и Ледебур сложил с себя звание члена президиума фракции, мотивируя свой поступок тем, что президиум не реагировал на поведение Зюдекума так, как это следовало сделать по мнению Ледебура. Фракция решила, что упреки Ледебура по адресу президиума были необоснованы, и что его поведение заслуживает самого решительного осуждения. Соответствующую резолюцию постановлено было опубликовать. С другой стороны, было отклонено предложение выразить публичное порицание правительственному агенту Зюдекуму; фракция ограничилась незлобивым заявлением, что члены ее не вправе итти навстречу «просьбам» правительства без разрешения фракции или, если она не созвана, ее президиума, и что этот последний должен «воздерживаться» от дачи подобных разрешений.

Наконец, в эту сессию фракция обсуждала еще вопрос о мире, — «подробнейшим образом», как сообщил оффициоз партии, и притом «без разногласий», но со строжайшим соблюдением тайны в отношении, как дебатов, так и принятых решений. На этот раз даже «весь город» не узнал ничего, так что наивной массе избирателей приходится совершенно подавить свое «преступное любопытство». Она может, впрочем, сделать это спокойно, в сознании, что сокровенные мысли фракции по вопросу о мире, в политическом отношении, лишены всякого значения.

* * *

После этих событий не было ничего удивительного в том, что во фракции обнаружилось полное разложение, когда она вновь собралась (в четвертый раз) 8 марта 1915 года, перед сессией рейхстага, в которой предстояло вынести решение по вопросу о бюджете в 13 миллиардов, в том числе о новых военных кредитах в сумме 10 миллиардов и о других военных расходах на сумму более 1 миллиарда. Накануне уже заседал Центральный Комитет Партии, высказавшийся за вотирование новых военных кредитов 35 голосами против 5, а за вотирование бюджета в целом — 30 голосами против 10.

Во фракции, прежде всего, обнаружилась довольно сильная оппозиция против утверждения новых кредитов. Предложение утвердить только 5 миллиардов, дабы правительство не могло слишком долго обходиться без созыва рейхстага, было отклонено большинством около двух третей голосов; утверждение же всех 10 миллиардов было принято всеми голосами против 23, а считая еще двоих отсутствовавших, но позже высказавших свое мнение, —.против 25 голосов. Еще больше затруднений вызвал вопрос о том, следует ли принять бюджет, как таковой. Здесь уже нельзя было действовать уклончиво. Оставалось либо отклонить бюджет, либо попрать торжественнейшие постановления партийных съездов в Любеке, Магдебурге и Нюренберге и перед лицом всего мира сделать нарушение партийной дисциплины основою фракционной политики. Все попытки уклониться от этой дилеммы при помощи самых невероятных ухищрений оказывались сразу настолько нелепыми, что о них не стоит и упоминать: слишком много чести для них. Более логичны были сторонники вотирования бюджета, которые без дальнейших околичностей заявляли, что грехопадение произошло уже 4 августа и 2 декабря, потому что утверждение первых двух сумм военных кредитов, испрашивавшихся в порядке дополнения к смете, уже представляло собою два случая утверждения бюджета. Против этого спорить не приходится, но все же оставалось некоторое различие в условиях, заключающееся в том, что, утверждая годичный бюджет, социал-демократическая фракция добровольно упраздняла себя на целый год, обрекала себя на безвольное подчинение всякому решению правительства в продолжение года и, таким образом, лишала себя всякого влияния на ход войны и на характер будущего мира, притом в такое время, когда у партии отрезаны все прочие пути к выявлению своей воли, между тем как буржуазными, вдобавок очень влиятельными партиями открыто выдвигаются самые невероятные планы завоеваний. Однако, большинством около двух третей голосов было постановлено голосовать за принятие бюджета в целом.

Что одними заявлениями не достигается ровно ничего, в этом можно было достаточно убедиться в августе и декабре прошлого (1914) года. В марте же 1915 г. присоединилось такое обстоятельство: первый оратор по бюджету (Гаазе) произнес довольно сильную речь, но зато второй оратор (Шейдеман) нашел успокоительные слова для обеспокоенных речью Гаазе буржуа. Форма, в которой в заседании от 20 марта президиум фракции отрекался от Ледебура, заставила даже те заграничные партийные газеты, которые все еще на что-то надеялись и чего-то ждали, безнадежно махнуть рукою: лучшего, мол, ждать не приходится.

При голосовании в пленарном заседании рейхстага к тов. Либкнехту на этот раз присоединился тов. Рюле: оба они голосовали против. Тридцать членов фракции обнаружили свое отрицательное отношение к вотированию бюджета, удалившись из зала заседания. Их фамилии весьма кстати опубликовал «Форвертс». Это были товарищи: Альбрехт, Антрик, Баудерт, Бернштейн, Бок, Брандес, Бюхнер, Давидсон, Диттман, Эммель, Фукс, Гейер, Гаазе, Генке, Герцфельд, Гох, Гофрихтер, Горн, Куперт, Ледебур, Лейтерт, Пейротес, Рауте, Шмидт, Шварц, Симон, Штадгаген, Штолле, Фогтгерр и Цубейль. К ним присоединился еще тов. Коп, не присутствовавший в заседании. Таким образом, «крошечная группа», или «ничтожное меньшинство», будто бы имеющее против себя «подавляющее большинство», составляет в рейхстаге около одной трети фракции (в прусском ландтаге, как мы видели, даже целую половину).

Но распадением на большинство и меньшинство еще далеко не ограничивается разложение фракции рейхстага. Внутри большинства брожение продолжается. Наряду с национал-либеральными элементами, готовыми итти с правительством куда угодно, в большинстве имеются люди с чутьем, которые уже предостерегали не перегибать чересчур дуги, так как, мол, недовольство избирателей тактикой фракции растет; эти люди сумеют внять голосу разума, когда наивная масса начнет проявлять активность. С другой стороны, и в меньшинстве нет сплоченности. Оно не все против вотирования новых кредитов: 8 или 9 человек не соглашались только вотировать бюджет; да и этим еще не исчерпываются все оттенки, о чем свидетельствует уже последовательная оппозиция Либкнехта и Рюле.

Внутреннее разложение фракции рейхстага представляет собою, разумеется, весьма печальное, но вполне объяснимое явление. Боеспособность пролетарской организации держится ее принципом; стоит только разорвать эту скрепу, и организация неудержимо распадется. До сих пор только фракция поступи-

лась принципом, но этого еще не сделала партия. Пока не поздно, партийные массы должны обдумать, должно ли продолжаться и впредь то, что делалось в продолжение 8 месяцев. Уже некоторые enfants terribles из наших парламентариев проговорились, что существует такой план: немедленно после заключения мира созвать партейтаг и добиться того, чтобы «крошечная группа» была выброшена из партии. Ну, «крошечной группе» не приходится бояться такого позорного coup d'état, но зато у партии есть к тому полное основание, потому что, если бы подобное покушение удалось, партия подверглась бы разложению точно так же, как в настоящее время фракция рейхстага.

Возврат к исконным своим принципам — вот единственный путь, могущий обеспечить единство партии и ее будущность.

ТАЙНОЕ УЧЕНИЕ И МИФ.

Статья А. Тальгеймера.

«Между войной и миром». Издатели: Георг Ирмер, Карл Лампрехт и Франц фон-Лист.

Выпуск 1. Г. Ирмер. Освободимся из-под мирового гнета Англии!
2. Ф. ф.-Лист. Средне-европейский союз государств.
3. А. Дикс. Война за мировое хозяйство.
4. Г. Гроте. Германия, Турция и Ислам.
5. Фон-Цедлиц и Нейкирх. Финансы Империи и союзных государств.
» 6. О. Гецш. Россия, как противник Германии.
» 7. К. Лампрехт. Война и культура.
» 8. П. Рисер. Англия и мы.
» 9. М. ф.-Брандт. Китай и Япония.
» 10. Э. Дриандер. Рождественские мысли в военное время.
» 11. Ц. Петерс. Бедствия немцев в Лондоне.
» 12. М. Ант. Война и положение Германской Империи, как мировой державы.
13. Г. Лош. Средне-европейский экономический блок и судьба Бельгии.
14. Е. ф.-Филиппович. Экономический и таможенный союз Германии и Австро-Венгрии.
15. П. Фишер. Между войною и миром.

Много лет тому назад, одному прусскому министру юстиции пришлась по вкусу известная, применяемая к тенденциозной юстиции поговорка: «если двое делают одно и то же, то это — не одно и то же». Прусскому министру хотелось, чтобы эти слова самым серьезным образом рассматривались, как настоящее юридическое положение. Эта знаменитая поговорка невольно приходит на ум, когда присмотришься к цензурной практике нынешних германских военных властей. Так, напр., в ежедневной печати не полагается обсуждать вопрос об аннексиях. Но империалистская пресса как будто бы пользуется в этой

области гораздо большею свободою, чем печать, не сумевшая еще понять необходимость завоеваний. Возможно, однако, что это с нашей стороны ошибка плохого наблюдателя, а потому не будем останавливать над этим фактом внимание читателя.

Зато уже обширная брошюрная и журнальная литература дает нам осязательные доказательства в пользу положения, что «если двое делают одно и то же, то это — не одно и то же». В этой литературе политические и экономические цели войны, в том числе и вопрос об аннексиях, обсуждаются и формулируются уже не в неопределенных выражениях, а с полною ясностью и в конкретнейших деталях. Эту удивительную практику нельзя оправдать необходимостью помнить о чужих, враждебных нам или нейтральных странах, потому что этим странам одинаково легко, а то еще и легче добывать брошюрную или журнальную литературу, чем ежедневные газеты. В таком случае, не руководятся ли наши власти заботами о населении своей же собственной страны? Если принять во внимание, что брошюры и журналы представляют собою литературу, обслуживающую очень тесный круг, а наоборот, газеты — это литература широких масс, то невольно напрашивается странная мысль, что секрет неодинакового внимания цензуры к различным родам литературы открывается просто: по вопросу о характере и целях войны существуют известные истины, которые можно доверить без опасения небольшому кругу посвященных, но приходится держать в тайне от широкой массы непосвященных. Совсем, как у некоторых философов классической древности, которые берегли свою философию, как некое строго хранимое тайное учение, для круга избранных учеников, в то время как остальной, непросвещенной толпе подносились окутанная мраком мифология и наивные легенды.

Нам возразят, что государственные люди Германии и германские военные — не философы классического мира. Против этого спорить не приходится: они — люди практики; они руководствуются, без сомнения, не воспоминаниями из античной жизни, а соображениями практического свойства; исторические сравнения к ним не применимы.

Итак, будем держаться фактов. Лежащая перед нами серия брошюр посвящена именно вопросу о целях войны; это видно уже из заголовков, а еще яснее из предисловия издателей. Она должна, как говорят издатели, «просветить публику насчет великих политических и экономических вопросов, которые в момент заключения мира будут иметь весьма существенное значение для жизненных интересов империи». Это «просвещение», предназначенное, повидимому, в первую очередь, для буржуазной

публики, будет тем более желанным для германских рабочих, что оно представляет собою странный контраст с теми неопределенными, ребяческими речами, которые преподносятся рабочим в буржуазной и, к сожалению, не только в буржуазной прессе. Правда, и серия Листа и Лампрехта не совсем свободна от этой, рассчитанной на большую публику, мифологии, но она отступает на задний план; вдобавок, излагая эту мифологию, авторы до того явно тут же себе противоречат, что легенда видна насквозь.

Зато у авторов брошюр наблюдается трогательная солидарность в том, что составляет сущность их «просвещения», а ведь подобное единодушие всегда считалось признаком истины. Имена авторов, сплошь принадлежащих к числу авторитетных буржуазных историков и политиков, ручаются за то, что просветительный материал не представляет собою неавторитетных измышлений некомпетентных величин, а действительно раскрывает тайну сердца буржуазных классов.

Шире всего эта тайна раскрывается в брошюре Артура Дикса (выпуск 3). Нынешняя война — говорит он ясным языком — ведется «под знаком империалистической идеи». «Империализм — продолжает он — это воля к мировой власти, стремление мировых держав, в соответствии с потребностями своей нации, добыть и обеспечить своему народному хозяйству соразмерную его наличным силам долю участия в мировой власти и в мировом рынке». Шаблонным фразам об идеалистическом характере войны Дикс противопоставляет трезвую формулу: «Если в древнейшие времена войны между массами велись из-за пастбищ, то в настоящее время они ведутся из-за доли участия в мировом рынке». Для полной исторической неоспоримости этой формулы ее необходимо немного дополнить в том смысле, что движущей силой и заинтересованной стороною в этой борьбе за мировой рынок всегда является не нация в целом, а владельцы национального капитала. Так же полно и без прикрас обрисовывает и Ирмер общий характер войны в следующих словах: «Пора перестать повторять, как нечто само собою понятное, что германцы выступили слишком поздно конкурентами на арене борьбы за мировое хозяйство и мировую власть, что мир уже распределен между другими. Разве не происходили во все исторические эпохи новые переделы земли? А при новом переделе земного шара наш народ не должен, попрежнему, уйти с пустыми руками. Раз мы вышли в открытое море мировой политики, у нас уже нет путей к отступлению, если мы не хотим впасть в национальный и моральный маразм, если не хотим отречься от самих себя». Ирмер желает, чтобы

рядом с «Great Britain» (с британской мировой державой) заняла место «Великая Германия».

Новый передел земли в интересах германского капитала — такова общая программа. Детали выполнения этой программы являются основной темой данной серии брошюр. Авторы с большой смелостью и уверенностью проводят на земном шаре линии, намечающие будущие германские доли. Верным капиталистическим инстинктом руководствуются они, когда намечают в качестве составных частей «Великой Германии» не только колониальные области, находящиеся еще в прочном обладании их теперешних владельцев, но и значительные территории европейского континента, которые предполагается частью включить в состав Германской Империи, частью объединить с Германией политически, экономически и в военном отношении, образовав «средне-европейский союз государств». Экономическое основание это двоякой программы нигде определенно не указано, но оно с полною ясностью вытекает из экономических условий капиталистической экспансии. С одной стороны, капиталу нужны, для его роста, некапиталистические области сбыта: это — колонии, сферы интересов и т. д. С другой стороны, ему необходимо расширить свой внутренний центральный промышленный очаг, чтобы иметь возможность в свободных областях мирового рынка выступать против своих конкурентов во всеоружии технического и экономического превосходства, каковое ему может дать только обширная, единая капиталистическая база. Кроме того, задача обороны и расширения крупного империалистического государства выдвигает необходимость расширения его военного базиса.

В военном отношении выполнение империалистической программы требует уничтожения морского владычества Англии. Это требование мы и находим уже в заголовке первого выпуска серии: «Освободимся из-под мирового гнета Англии». Оно же проходит красною нитью через всю серию.

Попробуем сгруппировать, в первую очередь, колониальные требования. Господин Ирмер налагает руку — мимоходом — на Марокко: «Французским dépendance (придатком) эта страна не должна стать». Господин Дикс останавливает свой взор на северной и средней Африке: первая может поставлять хлопок и руду, вторая — каучук. Африка привлекает также взоры господина фон-Цедлица. Для восточной Азии господин фон-Бранд предлагает программу restitutio in integrum, т.-е. 1) возвращение Киао-Чау плюс возмещение за убытки купцов и судовладельцев и 2) недопущение раздела Китая. Последнее означает «открытые двери», а опыт прошлого учит нас, что

«открытые двери» — это подготовительная стадия к поглощению лакомого куска. С Китаем предлагается заключить оборонительный союз.

Европейская программа наших империалистов обнимает две вещи. Прежде всего — присоединение чужих территорий на западе и на востоке империи. За это высказывается в общих выражениях господин фон-Лист, исходя из интересов обороны границ. Гораздо яснее выражается господин Дикс. «Германское побережье должно доходить до Ламанша, до выхода в открытый Атлантический океан». Поэтому Бельгию «нельзя выпускать из рук», и «побережье от Остенде до устья Соммы» — изрядная часть северного побережья Франции — «не должно достаться политическому вассалу Англии», т.-е. должно быть отторгнуто от Франции. На западе господин Дикс требует еще французскую Лотарингию с ее огромными ископаемыми богатствами; на востоке ему желательно, чтобы был положен конец политическому и экономическому разобщению среднего и нижнего течения Вислы. Господин Лош, экономист, подчеркивает: «Война между тремя западно-европейскими державами ведется не только на территории Бельгии: она ведется за Бельгию».

Основание «средне-европейского союза государств» возложено, по принадлежности, на либерального профессора международного права фон-Листа. Ему и карты в руки: как юристу— чтобы сконструировать юридическую сторону дела, а как либералу—чтобы разукрасить возводимое строение фразами в «демократическом» духе. Мы уже охарактеризовали истинный смысл этого союза государств и потому можем свободно обойтись без критической оценки фраз о «восстановлении разрушенных войною междугосударственных уз», об оборонительных и мирных задачах союза и т. д. Из самого плана ясны его задачи. «Твердое ядро» союза должны образовать Германия совместно с Австро-Венгрией. Союз между ними должен быть сделан еще более тесным при помощи «зафиксирования в конституции», военных конвенций и объединения торговой политики. К этому ядру должны присоединиться Нидерланды, три скандинавских государства, Швейцария, Италия и Балканский полуостров с Европейской Турцией. Желательно также присоединение Франции и Испании. В итоге получается территория в 8 миллионов кв. километров с населением в 200 миллионов душ. Члены союза, по этому плану, пользуются «полною самостоятельностью», неприкосновенность территории каждого из них гарантируется взаимной порукою; дальнейшими связующими мерами служат: общая защита от нападений, военные конвенции, единство принципов хозяйственной жизни и установление единства мер, весов

и валюты. Германия является в этом союзе «не гегемоном, а первым среди равных (primus inter pares)». Комментарий к этому мы находим у господина Лампрехта, который говорит: «Мы в праве надеяться, что тут установится градация, при чем Германская Империя в целом займет, по меньшей мере, такое же положение, какое до сих пор занимала в Империи Пруссия»... Когда господин фон-Лист исчисляет общую сумму населения своего союза государств и противопоставляет этой сумме, как нечто равнозначащее, численность населения Англии с ее колониями, то в этой детской игре кроется глубокий смысл: этим приемом затушевывается тот факт, что проектируемый союз государств представлял бы собою в военном отношении, принимая во внимание разбросанность по всему свету частей Британской Империи, отнюдь не равноценный с нею комплекс, а абсолютно ее превосходящий, и, таким образом, служил бы орудием мирового владычества.

Судорожные попытки согласовать эту империалистическую программу с совершенно противоположным официальным характером войны, как войны оборонительной, и с официальным лозунгом, отвергающим какие бы то ни было завоевания, приводят, вполне естественно, к комичнейшим сальто-мортале. Соответствующие отрывки из данной серии брошюр полны невольного, а потому самого великолепного юмора. Мы приведем несколько образчиков. Господин фон-Лист говорит, что наша война — «не завоевательная, а оборонительная». Через несколько страниц он высказывает свое убеждение в необходимости территориальных приобретений на Востоке, на Западе и за океаном. Как согласовать одно с другим? А вот как: «Конечной целью войны является не победоносная кампания, а выгодный мир». Господин Дикс утверждает евангельскую гармонию, заявляя: «Даже тот, кому чужда агрессивная политика, все же вынужден подумать о переходе в наступление, как только выяснилось с несомненностью намерение напасть на него». Это, по мнению Дикса, распространяется как на военные, так и на политические и экономические отношения. В настоящее время — говорит он — экономические цели Германии должны сообразоваться с первоначальными целями наших противников. А эти «первоначальные цели наших противников» оказываются удивительно подходящими для того, чтобы, в противовес к ним, выдвинуть... именно то, что составляет программу империализма. Тут невольно является искушение уверовать в предустановленную гармонию Лейбница. Франция и Россия — говорит Дикс—хотели сблизить восточную и западную границы Германии. Отсюда следует, что мы должны раздвинуть эти границы. Англия хотела—опять-

таки по словам Дикса—присвоить себе долю участия Германии в мировом хозяйстве и «удушить» народное хозяйство Германии (на этой-то почве возникло соглашение о Багдадской железной дороге!). Отсюда следует: «в ответ на это» Германия должна «стремиться уничтожить долю участия Англии в мировом хозяйстве и нанести смертельные удары народному хозяйству Англии»... Великолепно!

Ту же цель выдвигает и господин фон-Цедлиц; у него только подход другой, «Территориальные приобретения,—говорит он,—в качестве возмещения за военные расходы, вполне совместимы с тем фактом, что мы не ведем завоевательной войны». Как видите, все пути ведут в Рим.

Наконец, господин Гецш, в своей брошюре о России, опровергает с немецкой основательностью миф о борьбе против царизма, об освободительной войне. Он обстоятельно доказывает, что добрые отношения между Романовыми и Гогенцоллернами представляют собою «не легенду, как часто приходилось слышать в последнее время, а неоспоримый, исторически верный факт». По поводу утверждения, будто «Германия воюет против царизма», он замечает мимоходом: «Ведь нас совершенно не касается форма государственного строя другого государства: во всяком случае, она не может служить призом за победу в борьбе, в которой поставлено на карту самое существование государства. Истинной движущей силою конфликта является, по Гецшу, восточный вопрос, о котором он говорит, пародируя известные слова Бисмарка, что ради него «следовало бы пожертвовать костями даже значительного числа померанских гренадер».

Брошюра господина Лампрехта, историка, представляет собою сплошную мифологию. Для оправдания этой войны он призывает духов нашей классической литературы и философии. По этому вопросу пусть он объясняется с господином Диксом и с его «борьбой за долю участия в мировой власти». Говорить серьезно о таких вещах не приходится. Господин Лампрехт своею лептою замыкает круг метаморфоз: после того как из официального мифа вылупилась историческая действительность, он эту неприглядную действительность превращает обратно в более приглядный миф. Но только уж назвать этот миф наивным никак нельзя.

НАШИ УЧИТЕЛЯ И ПОЛИТИКА ПАРТИЙНЫХ ИНСТАНЦИЙ.

Статья Франца Меринга.

Политикой инстанций мы будем называть, для краткости, ту политику, которую с начала войны вели большинства некоторых партийных органов (Ц. К. партии, расширенный Ц. К. партии и фракция рейхстага) в несомненно добросовестном, но пока еще недоказанном предположении, что за ними стоит большинство партии. Эта политика инстанций отличается чрезвычайной простотой. Она рассуждает так: война есть война; в войне поставлено на карту существование нации; ради вопроса о существовании нации рабочий класс должен отречься от всякой самостоятельной политики и, жертвуя своими классовыми интересами, покорно итти на буксире у господствующих классов.

Есть, однако, один пункт, в котором представители политики инстанций не единодушны между собою. Одни, как, напр., Гениш, Кунов и Грунвальд, претендуют на право выступать в качестве преемственных представителей истинно-марксистского мышления, в отличие от нас, горемычных, усвоивших себе совершенно окостеневший и обескровленный формальный марксизм. Другие, вроде Шейдемана, самым решительным образом настаивают на необходимости плюнуть на ученость.

Плюнуть на ученость—значит отречься от Лассаля, Маркса и Энгельса. Дело в том, что эти наши учителя, отличаясь совершенно негосударственным строем мысли, всерьез были убеждены, что без научного багажа вести политику невозможно. Лассаль говорил: «Политическое убеждение возможно только на гранитном фундаменте научного познания; одного «образа мыслей» недостаточно: он является, по своей природе, продуктом условий, темперамента и настроения; как последнее, он переменчив». Маркс в 1850 г., отвечая «практикам» Союза коммуни-

стов, насмехавшимся над его непрактичною ученостью, писал: «Я провожу обычно весь день, с 9 час. утра до 7 час. вечера, в Британском музее. Демократическим simpleton'ам незачем, конечно, так утомлять себя. Зачем этим счастливчикам биться над историческим и экономическим материалом? «Ведь все так просто»,—говаривал мне не раз бравый Виллих. Все так просто... в этих дурных головах». На редкость недалекие ребята! Отсюда ясно, что тот, кто плюет на ученость, дает отставку Марксу и его соратникам.

Безусловно верно, однако, что тов. Шейдеман стоит на правильном пути. Политика инстанций, действительно, не имеет ничего общего с нашими учителями. Это не доказывает еще ее несостоятельности, потому что ни Маркс, ни Энгельс, ни Лассаль не были непогрешимыми папами. Но она не в праве прикрывать свою природную окраску львиною шкурою.

Оспаривая это право, мы, надеемся, не «озорничаем». Мы только поддерживаем тов. Шейдемана в его дерзком плевке, а другой группе главарей политики инстанций мы, заодно, подкладываем под гильотину их патриотического возмущения целую тройку «не имеющих отечества молодцов».

* * *

Наши учителя мыслили, как историки, и потому они не стояли на неисторической точке зрения, что война есть война, и что все войны следует мерить на один аршин.

Для них каждая война имела свои определенные предпосылки и следствия, от которых зависело, какую позицию надлежит занять по отношению к ней рабочему классу. Насчет фактических условий той или иной войны им случалось более или менее сильно расходиться во взглядах, но всегда только под решающим углом зрения, каким образом можно использовать данную войну с максимумом пользы в интересах пролетарской освободительной борьбы. Для их классовой политики не было различия между войною и миром, кроме, разве, того, что в условиях войны они требовали от рабочего класса еще большего внимания к своим интересам и еще более неуклонного отстаивания этих интересов.

В 1859 году у Лассаля возникла весьма оживленная полемика с Марксом и Энгельсом по вопросу о войне, которую вела Франция, при поддержке России, против Австрии, пытавшейся, в качестве авангарда Германского Союза, втянуть в войну также и прочие германские государства. В Германии, особенно на юге, действительно обнаружилось сильное движение против Франции, которое Энгельс и Маркс считали действительно национальным,

имеющим естественные корни, стихийным и непосредственным, а стало быть, — и возможным источником революционных решений, которых они ждали, и толчком к которым должна была послужить война против бонапартистской Франции. Лассаль же, наоборот, считал, что движение против Франции сводится к давнишней тупоумной ненависти к французам, что оно внутренне реакционно, и что, если немецкое правительство хочет ввязаться в войну с Францией, то пусть ввязывается, но при этом следует внушить массам отвращение к этому конфликту, как реакционной кабинетной затее, а затем из неизбежных превратностей этой войны извлечь пользу для революции.

Мы выделили это разногласие из числа многих, ему подобных, потому, что из него видно, во-первых, как легко возникают неодинаковые взгляды по вопросу о «фактических предпосылках». В вопросе о цели Лассаль был солидарен с Марксом и Энгельсом: им важны были исключительно интересы революции, которые в их глазах были вместе с тем и национальными интересами. Энгельс писал Лассалю: «Да здравствует война, если на нас нападут одновременно и французы, и русские; когда мы будем в положении утопающих, тогда, в минуту отчаяния, все партии, начиная с господствующей в настоящий момент и кончая Цицом и Блюмом, окажутся несостоятельными, и нации, ради своего спасения, придется, наконец, обратиться к наиболее энергичной из партий». На это Лассаль ответил: «Совершенно верно, и вот уже два месяца, как я бьюсь здесь, пытаясь убедить людей, что если наше правительство ввяжется в войну, оно только сыграет нам в руку и именно по этим основаниям чрезвычайно ускорит революцию». Но, — прибавил Лассаль, исходя из своей точки зрения,—задуманную принцем-регентом Пруссии войну необходимо сделать непопулярной в массах, чтобы она «превратилась в величайшее счастье для нации».

В конце концов принц-регент все же не решился объявить войну Франции, и таким образом для поверки задачи случая не представилось. На дипломатическом поприще правитель Пруссии, конечно, не пожал лавров, что очень мало огорчило Лассаля. «Я считаю, что в преданности интересам нации никому не уступаю,—писал он Марксу, — но, чорт побери, с какой стороны может интересовать меня и тебя могущество принца Прусского? Так как все его стремления и интересы идут вразрез с стремлениями и интересами немецкого народа, то для последнего именно важно, чтобы влияние принца Прусского в международных отношениях было как можно слабее. Мощь немецкого народа—дело будущего, и, может быть, никто не думает о ней серьезнее и не рисует себе ее шире, чем я! Но она явится и

может явиться лишь тогда, когда у нас будет народоправие, вместо наших.... династий. Мощь немецкого народа и могущественное положение немецких династий—это для меня две вещи, настолько же различные, как небо и земля».

Эти слова не были обронены в пылу борьбы; это была одна из основных идей (чтобы не сказать: основная идея) национальной политики Лассаля. В тщательно обработанной речи: «Что же теперь?», в которой он призывал прогрессистов к энергичной борьбе против министерства Бисмарка, он рекомендовал им парализовать внешнюю политику Бисмарка, при чем прибавлял: «Пусть никто из вас не подумает, что я рассуждаю непатриотично». Политик, по мнению Лассаля, должен, подобно естествоиспытателю, принимать в соображение все действующие силы; трудно представить себе, на какой ступени варварства еще стоял бы мир, если бы соревнование и взаимный антагонизм правительств не представляли собою испокон веков действительного средства к тому, чтобы вынуждать правительства к прогрессивным реформам внутри страны. Германская нация, — говорит Лассаль, — не настолько беспомощна, чтобы поражение, понесенное ее правительствами, заключало в себе действительную опасность для существования самой нации. «Стало быть, если мы будем втянуты в большую войну, то в этой войне могут, пожалуй, рухнуть отдельные наши правительства — саксонское, прусское, баварское,—но из их пепла, подобно фениксу, восстало бы нерушимым то, что единственно нам дорого, — немецкий народ!»

Филистеры, которым Лассаль объяснял все это, кричали «браво!», но года через два Бисмарку все же удалось отвлечь их от народа и привлечь на сторону правительств; в связи с этим им пришлось вытерпеть немало насмешек со стороны партийной прессы. В настоящее время, однако, обиды этих молодцов отомщены, и политика инстанций бросает животворящий свет на опустелые столы, за которыми они собирались. Она напевает национал-либеральную боевую песенку 1867 года: кто не умеет в надлежащий момент сменить свои вехи, тот обнаруживает этим самым либо недостаток интеллекта (по Генишу), либо излишек учености (по Шейдеману).

* * *

Как в войну 1859 года, так и во время войн 1866 и 1870 годов разногласия в лагере социал-демократии всегда касались «фактических предпосылок», но никогда не касались раз навсегда незыблемо установленного принципа, что рабочий класс при всякой войне должен вести самостоятельную политику.

После того как германской революции 1848 г. не удалось создать единую Германию, прусское правительство стало пытаться использовать для династических целей систематически вспыхивавшее, под влиянием экономического развития, германское объединительное движение: вместо единой Германии, оно пыталось создать, по выражению тогдашнего короля Вильгельма, «продолженную» Пруссию. Лассаль и Швейцер, Маркс и Энгельс, Либкнехт и Бебель были вполне солидарны в том, что необходимая германскому пролетариату единая Германия может быть создана только национальной революцией, и сообразно с этим они беспощадно боролись против всех династически-партикуляристических стремлений великопрусской политики. Но они также,—кто раньше, кто позже, в зависимости от того, насколько они уясняли себе «фактические предпосылки», — сумели и примириться с горькой необходимостью, когда выяснилось, что на национальную революцию, вследствие трусости буржуазии и слабости пролетариата, нельзя рассчитывать, и когда созданная при помощи «железа и крови» Великая Пруссия открыла для классовой борьбы пролетариата более благоприятные перспективы, чем те, которые могло бы открыть для нее восстановление Германского Союзного Совета с его жалкой мелочной грызней из-за местных интересов, не говоря уже о том, что восстановление это было, конечно, делом невозможным. После Кёниггреца Маркс, Энгельс и Швейцер (Лассаля не было уже в живых), а после Седана также Либкнехт и Бебель стали рассматривать прусско-германское государство со всей его гиблой и уродливой физиономией, как факт, хотя и не внушающий восторгов, но все же предоставляющий для пролетарской освободительной борьбы более благоприятные условия по сравнению с ужасным хозяйничаньем Союзного Совета.

Последние следы диссонанса в партии проявились в июле 1870 г. в связи с голосованием первых военных кредитов: Либкнехт и Бебель воздержались от голосования, а прочие социал-демократические депутаты голосовали за кредиты. Но уже в декабре того же года, при голосовании вторых кредитов, единомыслие было восстановлено: все парламентские представители социал-демократии, — эйзенахцы Либкнехт и Бебель, лассальянцы Швейцер и Газенклевер, гатцфельдтианец Менде и профессионалист Фрицше, — голосовали против. Все тогдашние фракции социал-демократии образовали против милитаризма классового государства сплоченный фронт, который вся партия сохраняла до 4 августа 1914 года.

Насколько решительно Маркс и Энгельс в 1870 г. одобряли германскую войну до Седана, потому что низвержение Наполеона

представляло собою первостепенный интерес для европейского рабочего движения, настолько же решительно они выступили после Седана против той же войны, которая велась только ради аннексии Эльзаса и Лотарингии, т.-е. ради цели, достижение которой, как они правильно предвидели и предсказали, должно было создать величайшие опасности для европейской культуры и, стало быть, также для европейского рабочего движения. По словам Вальяна, осведомленность которого вне всяких сомнений, Энгельс даже предоставил в распоряжение правительства французской республики свои соображения насчет возможных путей к отражению вторгнувшихся во Францию германских армий. С этим сообщением как будто не согласуется тот факт, что Энгельс очень неодобрительно отозвался о «правительстве национальной обороны» вскоре после его образования, в сентябре 1870 года, и что он заявил о безнадежности дальнейшего военного сопротивления со стороны Франции; но ведь положение стало совершенно иным спустя несколько месяцев, когда Гамбета сумел весьма успешно двинуть в дело свои милиционные отряды.

16 января 1871 г. Маркс писал в газету «Daily News»: «Франция, — дело которой, к счастью, далеко не безнадежно, — борется в настоящий момент не только за свою национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы.» Если Энгельс разделял этот взгляд, — что не может подлежать сомнению, — то нет никаких внутренних оснований к тому, чтобы сомневаться в достоверности сообщения Вальяна.

* * *

Однако, как ни осуждали Маркс и Энгельс аннексию Эльзаса и Лотарингии, они все же были весьма далеки от того, чтобы присоединиться к французским крикам о реванше, после того как аннексия стала фактом. Путеводной звездою их политики оставалось всегда положение: «Наше дело — посильно содействовать освобождению западно-европейского пролетариата, и этой цели мы должны подчинять все прочее». С этой точки зрения они расценивали и жалобы угнетенных граждан Эльзаса и Лотарингии. «Если им желательно, перед лицом явно надвигающейся революции, провоцировать войну между Францией и Германией, снова натравить оба народа друг на друга и этим отсрочить момент наступления революции, то я говорю: Стоп! Если терпит европейский пролетариат, то наберитесь и вы терпения. День освобождения пролетариата будет и днем вашего освобождения; а до того момента мы не потерпим, чтобы вы становились на дороге борющегося пролетариата».—Так писал Энгельс в 1882 г.

Опасение, что французские мечты о реванше могут зажечь

пламя новой европейской войны, никогда не оставляло этого преданного Экгарда европейского пролетариата. Когда был заключен франко-русский союз, который Энгельс вместе с Марксом уже давно предсказывал, как роковое последствие германской аннексионной политики 1871 г., и когда осенью 1891 г. кронштадтские торжества отуманили головы французской буржуазии, Энгельс в «Almanach du Parti ouvrier» от 1892 г. предостерегал французских рабочих не поддаваться влиянию этого угара. Спустя некоторое время он поместил ту же статью и в «Neue Zeit» (год X, том I). Так как мысли, изложенные Энгельсом в этой статье, в течение последних 8 месяцев несчетное число раз приводились представителями политики инстанций для воздействия на германских рабочих, то мы остановимся на них несколько подробнее.

Энгельс набросал в своей статье краткий очерк истории германской партии. Он констатировал безостановочный рост германской социал-демократии и предсказывал ее победу приблизительно через 10 лет. Партия — говорил он — не может отказаться и никогда не откажется от революционных методов, — но пока она процветает великолепно, не выходя из законных рамок; если буржуазия (в чем не может быть сомнений) предпочтет взять на себя инициативу боевой схватки, то возможно, что превосходство сил контр-революции отсрочит на несколько лет торжество социализма, но тем полнее будет его последующая победа.

Однако, — писал Энгельс во второй части своей статьи, — все это остается в силе только при условии, если Германия будет продолжать свое экономическое и политическое развитие в условиях мира. Война изменила бы всю картину. А война возможна в любой момент. На одной стороне в этом случае были бы Франция и Россия, на другой—Германия, Австрия и, быть может, Италия. Социалистам всех этих стран, зачисленным в действующие армии принудительно, пришлось бы сражаться друг с другом. И вот, возникает вопрос: что сделала бы в подобном случае германская социал-демократия? что стало бы с нею?

На вопрос, что стало бы с германской социал-демократией, Энгельс отвечает (цитируем дословно):

«Одно верно: ни царь, ни французские буржуазные республиканцы, ни германское правительство не упустили бы такого прекрасного случая подавить единственную партию, которая является их общим и главным врагом. Мы видели, как Тьер и Бисмарк протянули друг другу руку через развалины Парижской Коммуны; а в данном случае нам пришлось бы быть свидетелями того, что царь, Констан и Каприви (или их преемники) кинулись бы друг другу в объятия над трупом социализма.»

Далее Энгельс ставил вопрос: к чему сводится, в виду подобной перспективы, долг германских социалистов? Должны ли они пассивно покориться событиям, которые угрожают им уничтожением? Должны ли они сдать без сопротивления свой пост передовых бойцов международного пролетариата? Ответ Энгельса на этот вопрос мы приведем дословно, хотя бы уже потому, что представители политики инстанций всякий раз, когда ссылались на слова Энгельса (а это они делали несчетное число раз), всегда приводили их в искаженном виде, на что у них были свои веские причины.

«Ничуть, — отвечает Энгельс. — В интересах европейской революции они обязаны удержать все позиции, не капитулировать ни перед внешним, ни перед внутренним врагом. А это они могут выполнить только ведя с напряжением всех сил борьбу против России и всех ее союзников, кто бы они ни были. Если французская республика предоставит свои силы в распоряжение его величества, царя и самодержца всея России, то германские социалисты будут бороться против Франции, хотя и с болью в сердце. По отношению к Германской Империи французская республика может, при наличии известных условий, выступить представительницей буржуазной революции. Но по отношению к республике Констана, Рувье и даже Клемансо, в особенности же по отношению к республике, состоящей на службе у царя, германский социализм безусловно является представителем пролетарской революции.

«Война, при которой русские и французы вторглись бы в Германию, была бы для последней войною не на жизнь, а на смерть, и в этой борьбе Германия могла бы отстоять свое национальное существование только путем применения революционных методов. Нынешнее правительство, наверно, не откроет дороги революции, если только оно не будет к тому вынуждено. Но у нас есть сильная партия, которая сумеет его принудить к этому, а в крайнем случае и занять его место: это — социал-демократическая партия.

«И мы не забыли величественного примера, который явила нам Франция в 1793 году. Столетняя годовщина 1793 г. приближается. Если завоевательный пыл царя и шовинистическое нетерпение французской буржуазии попытаются остановить победоносное, но мирное наступательное движение германских социалистов, то последние, — будьте в этом уверены, — сумеют доказать миру, что нынешние германские пролетарии вполне достойны французских санкюлотов, и что 1893 год может занять место рядом с 1793 годом. А тогда, если солдаты господина

Констана ступят ногою на германскую территорию их будут приветствовать словами Марсельезы:

> Quoi! ces cohortes etrangères
> Feraient la loi dans nos foyers? *).

«Коротко говоря: в условиях мира, германской социал-демократической партии обеспечена победа приблизительно через 10 лет. В случае войны она может победить через 2—3 года, но может также подвергнуться и полному разгрому, по меньшей мере, на 15—20 лет. В виду этого, со стороны германских социалистов было бы сумасшествием желать войны, которая поставила бы все на карту, вместо того, чтобы дожидаться верного торжества своего дела в условиях мира. Больше того: ни один социалист, какой бы национальности он ни был, не может желать военного триумфа ни нынешнего германского правительства, ни буржуазных республиканцев Франции, ни — тем более — царя, победа которого была бы равносильна порабощению Европы. И потому социалисты всех стран стоят за мир.»

Так писал Энгельс. Совершенно очевидно, что он, — с наилучшим намерением отбить у французских рабочих охоту к реваншу, к войне за Эльзас и Лотарингию, — увлекся в своей статье в сторону несколько смелого обоснования политики на определенных конъюнктурах и выдвигает для считавшейся возможной в 1893 году войны «фактические предпосылки», несостоятельность которых в настоящее время нет надобности доказывать. Таково его утверждение, что уже в 1901 году наступит момент победы германской социал-демократии. В действительности, приблизительно около этого времени утвердилась эра империализма, о которой Энгельсу в 1891 году ничего не было да и не могло быть известно. Уже по одной этой причине тогдашние рассуждения Энгельса совершенно неприменимы к империалистической войне 1914 года. В них гораздо больше связи с прошлым, чем с будущим, потому что они представляют собой лишь более полное развитие высказанного им еще в 1859 году взгляда, что, как только французы займут Кёльн, а русские Кёнигсберг, тотчас же пробьет час германской революции.

В высшей степени странно, что представители политики инстанций, вообще не знавшие меры упрекам Энгельсу за его «легкомысленную игру с огнем революции», за «опрометчивые пророчества» и т. п., положительно влюблены в эту статью нашего учителя. Но ларчик открывается просто: выдернутые

*) Как, эти чужеземные легионы будут распоряжаться в наших селениях?

из статьи отдельные фразы удобны для втирания очков рабочим. Этими фразами стараются доказать не то, что германские рабочие должны оказать сопротивление в случае нападения со стороны французов и русских, — это они и сами сделают, не справляясь у каких бы то ни было авторитетов, — а пытаются, прикрываясь именем, произносимым рабочими с благоговением, незаметно внушить им представление, будто, в случае войны с Францией и Россией, они должны слепо кинуться в объятия господствующих классов.

Ночью, несомненно, все кошки серы. Но наши учителя были весьма далеки от того, чтобы перенести это положение на войны. В их глазах каждая война имела свой особый закон, и Энгельс сам отверг бы «окостеневший и обескровленный формальный марксизм» того, кто вздумал бы по отношению к действительной войне 1914 года возводить в евангельскую истину те требования, которые он, Энгельс, выдвигал по отношению к возможной войне 1893 года. Но если политика инстанций неустанно проповедует это евангелие, то ей не следовало бы обманывать верующих, держа их в неведении относительно того, что эта политика во всем идет вразрез с теми требованиями, которые Энгельс выставлял в 1891 году, как необходимое в тот момент условие победы германского оружия.

Энгельс настаивал на том, что германская социал-демократия не должна капитулировать ни перед внешним, ни перед «внутренним врагом», под которым он подразумевал германское правительство. Социал-демократия — говорил он — должна принудить правительство к революционной политике или, в крайнем случае, занять его место. Политика же инстанций, наоборот, сразу пошла на буксир к правительству и без попытки сопротивления, хотя бы в легальнейшей форме, сдала позиции пролетариата, его свободу печати и собраний, — принесла их в жертву на алтарь отечества. Энгельс требовал от германской социал-демократии политики санкюлотов 1793 года, а политика инстанций объявляет еретиком, — «озорником», «нарушителем дисциплины», а то и «шпиком», — всякого товарища, осмеливающегося хотя бы напомнить о том, что германский рабочий класс все же не должен в войне играть роли «бессловесного пса». Энгельс заявлял, что ни один германский социалист не может желать победы нынешнего германского правительства, а политика инстанций вещает миру, что эта победа зажжет зарю германской свободы.

Пусть она считает себя умнее Энгельса, — это ее неоспоримое право. Возможно, что она и в самом деле умнее его (не будем здесь касаться этого вопроса). Но, в таком случае, не к лицу ей жонглировать словами Фридриха Энгельса. Это —

неприлично вообще и сугубо неприлично для смелых борцов, пролагающих путь к лучшему будущему.

* * *

Мы видели, что Маркс, Энгельс и Лассаль при всякой войне считали самостоятельную политику рабочего класса безусловной необходимостью, первейшим долгом момента. Но они не дожили до эры империалистических войн. Возникает вопрос: не руководствовались ли бы они при этих войнах другим принципом?

До 4 августа 1914 г. весь социалистический мир был солидарен в том, что ответить на этот вопрос можно только отрицательно. По этому предмету мы имеем вполне ясные и недвусмысленные постановления международных конгрессов в Штуттгарте (1907 г.), в Копенгагене (1911 г.) и в Базеле (1912 г.). Указываемый ими рабочим партиям отдельных стран маршрут на случай войны диктуется исключительно интересами международного пролетариата.

При таком положении возможен еще такой вопрос: вероятно ли, что Маркс, Энгельс и Лассаль 4 августа 1914 года пренебрегли бы постановлениями международных конгрессов, как это сделала политика инстанций, притом — nota bene! — сделала без всякого на то полномочия, с грубым нарушением партийной дисциплины и с обвинением в ереси товарищей, достаточно добросовестных для того, чтобы не отступать от единственно законных еще и по сей день постановлений международных конгрессов?

Отрицательный ответ на этот вопрос дает вся жизнь и деятельность наших учителей. Представьте себе Маркса в ноябре 1912 г. поднимающим руку на Базельском конгрессе, чтобы «огненными буквами» начертать грозное «мене-текел на стенах дворцов королей, министров и посланников», а спустя два года — подписывающим тою же рукою на бездушной канцелярской бумаге отказ на все время войны от пролетарской классовой борьбы! Да это просто немыслимо! Далее, вспомните, что Маркс впервые увенчал себя лаврами, вступив в борьбу не на жизнь, а на смерть с цензурою и предпочтя с честью исчезнуть, чем влачить жалкое существование, и представьте себе, что сказал бы тот же Маркс по поводу града моральных внушений, которым осыпал ряд партийных газет нашу храбрую газетку, выходящую вГоте, за то, что она недостаточно низко склонила голову перед цензурою. Если бы Маркс наблюдал с высоты Олимпа эту маленькую картину нашего быта, он, наверно, удивленно потряхивал бы своей львиной гривой. Ведь то, что произошло с нашей партийной

газетой весною 1915 года, не ново для Маркса: то же самое произошло в 1843 году с его газетою «Rheinische Zeitung». Но ему не пришлось выслушивать правоучений за недостаточное почтение к цензуре даже от самых закоснелых до-мартовских филистеров. Что за чертовщина! Куда же нашим добровольцам итти дальше в смысле патриотического настроения?

О свободе печати наши учителя были высокого мнения, и к мужеству печати они предъявляли строгие требования, служа сами в этом отношении безупречным примером. Когда в 1871—72 гг. обозначились первые, еще робкие шаги в направлении «гражданского мира», Маркс изложил свои мысли по вопросу о «Свободе печати и слова в Германии» в упомянутом уже выше письме, отправленном им 16 января 1871 г. в газету «Daily News». В высшей степени ободряющий текст этого письма читатель может прочитать в «Neue Zeit», год 20, том II. В 50-х годах, когда либеральная пресса трепетала перед полицейской палкой Мантейфеля, Маркс отчитал ее в самых резких выражениях, — настолько резких, что повторить их значило бы рисковать оскорбить «хороший тон» нашей высоконравственной эпохи; поэтому мы ограничимся приведением самого мягкого отрывка из его статьи: «Она (либеральная пресса) широкими штрихами начертала на своем знамени: «Безопасность — первейшая обязанность гражданина», и под этим знаком ты будешь... жить». В таком же духе выступил и Лассаль, когда в 60-х годах либеральная пресса без всякого серьезного сопротивления подчинилась указам Бисмарка о печати; здесь мы точно также можем привести только самое мягкое место: «Партия, не умеющая устлать свою важнейшую позицию своими трупами, не имеет никаких шансов на победу».

Разумеется, эти критические выпады наших учителей относились во всех случаях только к либеральной прессе. При их жизни, да еще в течение нескольких десятилетий после них, не было ни разу повода для критической оценки партийных социал-демократических газет с точки зрения взглядов Маркса и Лассаля на задачи печати. Они считали одинаково почетной участью для печати — жить сражаясь или умереть сражаясь. Больше того: по их мнению, в политической партийной борьбе часто бывает так, что умереть с честью — самая важная задача. А влияние подцензурной прессы Маркс еще в своей юности, в первых своих работах, обрисовал в мрачных, но безусловно правдивых красках.

В газете «Hamburger Echo», этом наиболее изменившем старому знамени органе политики инстанций, недавно было сказано, что «озорники», брюзжа и ворча, бегут за колесницею рабочего

движения. Эта фраза не этой газетой придумана, но все же счастливо выужена ею из официозного моря фраз. Автором ее является некая содержанка Бисмарка, которая в продолжение целого ряда десятилетий боготворила своего господина и повелителя, а потом, когда он впал в немилость у кайзера, уколола его в пятку, заявив, что он бегает, брюзжа и ворча, за колесницей имперской политики.

Однако, с ядовитыми насекомыми шутить не следует. Политика инстанций, применяя к другим приведенную фразу, сама же подвергается уколу. Если она в настоящее время претендует на правоту, то, стало быть, она в продолжение четырех десятилетий слишком бегала, брюзжа и ворча, за колесницей императорской политики. Кто вотирует правительству carte blanche в области политики и двадцать миллиардов деньгами для ведения войны, относительно которой тысячу раз предсказывали, что она должна произойти в недалеком будущем и может произойти в любой день, тот не должен был из года в год заявлять тому же правительству: «ни одного человека и ни одного гроша», т.-е. отказывать правительству в том, чего оно требовало, чтобы быть подготовленным к войне. Одно из двух надо было выбрать.

Иначе говоря: политика инстанций означает полнейший разрыв с духовным наследием наших учителей, со всей историей и со всеми исконными принципами германской социалдемократии. Логическим следствием этой политики было бы образование национально-социальной рабочей партии, примиряющейся с милитаризмом и монархией и удовлетворяющейся теми реформами, которые достижимы для пролетариата на почве капиталистического строя. Тех представителей политики инстанций, которые делают этот неизбежный вывод, надо признать более последовательными и вместе с тем менее опасными.

С другой стороны, рабочее движение было бы отравлено на многие годы, если бы удалось громкими трафаретными лозунгами замазать и затушевать зияющую щель, отделяющую настоящее от прошлаго, если бы удалось вовлечь рабочие массы в самообман, который обрек бы их на полное бессилие. Перед лицом такой ужасной, кошмарной возможности, которая заклеймена Марксом, как «самофальсифицирование», и Лассалем, как «лживое изображение ситуации» (Umlügen einer Situation), мы должны сплотиться вокруг знамени наших учителей с лозунгом Лассаля: Вот — наше знамя, и в нем — наша честь!

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Перспективы и проекты.

Последняя брошюра Каутского «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» (изд. в Нюренберге) отчасти лишь повторяет, отчасти же и дополняет мысли, высказанные им разновременно в «Neue Zeit» относительно нынешней войны.

Прежде всего, Каутский исследует существо и историческую роль национальнаго государства и умудряется наговорить по этому вопросу много такого, о чем до сих пор никто не знал. Так, напр., мы узнаем из его брошюры, что национальное государство является в одно и то же время и неотвратимым логическим следствием «современной демократии крупных государств», и — наоборот — необходимою ее основою. «Национальное государство» и «современная демократия» — это нечто двуединое, нераздельное. Далее, мы узнаем, что, напр., Австрия может переродиться в демократическом смысле только путем распадения на ряд национальных государств, объединенных в союз, что подобного раздробления на национальные государства «требуют» также «окраинные народы России» и т. п. В то время как по прежним представлениям социал-демократии вся национальная фразеология, — в Австрии, в России или в Германии, словом, повсюду, — служила, главным образом, для того, чтобы путем внесения путаницы в классовую борьбу укреплять буржуазию в ее классовом господстве, Каутский просвещает нас, что национальная борьба в недрах современного государства проистекает только из «демократического чувства», и что эта борьба проявляется в формах, тем более интенсивных, чем интенсивнее это чувство.

Таким образом, у Каутского совершенно исчезает понимание национального государства, как преходящей, исторически обу-

словленной фазы буржуазного классового господства, — фазы, давно уже превзойденной империализмом и наиболее явственным образом ликвидируемой как-раз в нынешней мировой войне. Для Каутского национальное государство является рамкой для современной демократии и, в качестве таковой, заодно и идеалом будущего, даже больше того — программою социал-демократии! «От буржуазной демократии социал-демократия переняла стремление к национальному государству», измышляет Каутский (стр. 11), хотя до настоящего времени не было такой социал-демократической партии, которая внесла бы в свою программу подобное «стремление», и хотя до сих пор, наоборот, считалось задачею социал-демократии сплачивать пролетариев без различия национальностей в каждом государстве для совместной классовой борьбы на основе общей программы, в противовес мелкобуржуазным национальным домогательствам. Правда, социал-демократия признала, в формулировке Лондонского международнаго конгресса 1896 года, «право каждой национальности на самоопределение». Но между этой формулой и «стремлением к национальному государству» лежит пропасть, — та самая пропасть, которая отделяет социалистические принципы от буржуазных политических программ. Каутский мог дойти до своего поразительного открытия только благодаря тому, что, витая в туманной мгле абстракции, он отождествляет национальное государство с демократией. А так как к «демократии» социал-демократия, конечно, «стремится», то из этого простейшим способом делается вывод, что мы должны «стремиться» и к национальному государству.

Что же, собственно, представляет собою эта «современная демократия», которая является якобы объектом наших страстных вожделений? Это программа-минимум социал-демократии, подумает читатель. Ничего подобного! «Современной демократией» Каутский называет нынешний буржуазный парламентаризм! По его схеме, например, даже нынешний прусско-германский полуабсолютизм должен нам представляться «современной демократией».

Послушаем, что он говорит:

«Но в тот самый период времени, когда образовались эти две исполинские империи (Великобритания и Россия), возникли уже материальные условия для осуществления демократии за пределами общины, в рамках крупного государства, т.-е. для замены первобытной демократии современною. К этому привели развитие средств сообщения и распространение книгопечатания и грамотности. — Одновременно образовалось современное крупное государство с централизованным бюрократическим аппаратом и с прочно-установленной таможенной границей. Прежде всего

оно усилило авторитет центральной государственной власти, которая стала абсолютною. Но развитие средств сообщения и прессы создавало для населения всего государства все большую и большую возможность быть осведомленным о действиях и упущениях центральной власти, обсуждать и критиковать их. Действия центральной власти получали, вместе с тем, все большее значение для каждого индивидуума, сфера воздействия государственной власти расширялась. В связи с этим возникло стремление получить влияние на нее при помощи представителей, избираемых и контролируемых массою. Так развилась современная демократия, существенными признаками которой являются парламентаризм, пресса и крупные, охватывающие всю территорию государства, партийные организации» (стр. 8).

Мы привели этот великолепный образчик материалистического понимания истории дословно, дабы читатель видел, как прекрасно можно объяснить происхождение буржуазного «правового государства» без далеких экскурсий в область классовых интересов, экономических переворотов и т. д., путем простой ссылки на развитие «средств сообщения и прессы». В таком истолковании «современная демократия» представляется—совсем, как ее достойное дополнение, национальное государство—не в виде прозаической частицы буржуазного классового господства, со всеми следами его преходящего земного бытия и с отчетливыми симптомами падения, а в виде чего-то, окутанного голубоватою дымкою абстракции и ореолом долговечного идеала. Ведь наша эпоха — это, по словам Каутского (стр. 77), «эпоха роста демократии». Конечно, идеалом эта наша «современная демократия» становится лишь в том случае, если мы обрели национальное государство в чистом виде. Так, напр., в Германии, «с ее поляками, датчанами и французами», вовсе и не осуществима «полная демократия», потому что, «с какими бы сильными, убедительными и многозначительными словами ни обращались к нам на своем языке польский политик или польский журнал или польская книга, им никогда не удастся воздействовать на германский народ, хотя, быть может, на поляков они окажут влияние даже за пределами Германии. А ведь сущность демократии заключается во влиянии на народ и через народ» (стр. 9). И потому лишь «внутри чисто национальных государств (на которые неминуемо должны распасться нынешние большие государства) становится возможной полная, не только формальная, а действительная и не бессильная демократия» (стр. 11). Приходится развести руками, — неправда ли, читатель?

У наших прелестных близнецов есть, однако, еще и малая сестренка, от которой они неотделимы. Это — милиция!

«Всякому покушению чужой завоевательной власти на сокращение или изменение территории национального государства последнее... оказывает самое решительное сопротивление, которое подавить надолго почти-что невозможно, и источник которого заключается в сильно развитом демократическом укладе жизни его населения. С другой стороны, пространством, сплошь занятым данною нацией, национальному государству ставятся границы, через которые оно не может переступить без вреда для самого себя. Все это приводит к тому, что для существования этого государства приобретает больше значения сила его демократии, чем могущество его армий, которые для замкнутого национального государства, **если** оно хочет остаться таковым (это «если» — божественно!), приобретают чисто оборонительный характер. Одновременно с идеями современной демократии и национального государства зарождается идея милиционной армии. Носителями всех этих трех идей являются одни и те же партии и классы» (стр. 16). Между прочим, сам Каутский не принадлежит к этим партиям и классам, потому что в той же брошюре, несколько дальше, задумав определить мирную программу социал-демократии, он совершенно забывает о своей милиции и требует... «разоружения» до половины нынешнего численного состава постоянных армий.

Опять приходится развести руками, — неправда ли, читатель? Спросим себя: где это на земле виданы все эти прекрасные вещи, которые нам разрисовывает Каутский? Не Германия ли после 1870 г. или Италия представляют собою такое «национальное государство» с оборонительной милиционной армией и с ростом демократии? Не назвать ли национальным государством Швейцарию, самое демократическое государство в Европе и наиболее близкое к милиционной системе? Или же, напр., наиболее демократическое из вне-европейских государств, Соед. Штаты Сев. Америки? Спросим себя: не влиял ли Маркс «на народ и через народ» в несметном числе стран, несмотря на то, что он говорил только «на своем языке»? Наконец, спросим себя: не утверждала ли социал-демократия постоянно, что «полная, не только формальная, а действительная и не бессильная демократия» мыслима лишь при условии осуществления экономического и социального равенства, социалистического хозяйственного строя, и что «демократия» буржуазного национального государства, в конечном счете, всегда представляет собою, в большей или меньшей степени, шарлатанство?

Бросим, однако, говорить о национальном государстве, о демократии и милиции, относительно которых все время пребываешь в неведении, разумеет ли Каутский под ними реальные

исторические явления, или видит их в розовом тумане своей фантазии. Они служат, во всяком случае, Каутскому лишь подготовительным материалом для соответствующей трактовки вопроса об империализме.

Что такое империализм? Империализм — это только скверный «метод». Это — применение насилия и ему подобных отвратительных и предосудительных средств для достижения того, что само по себе законно и необходимо, но «гораздо лучше» достигается другими методами, а именно при помощи «демократии». В стремлении капитала к расширению своей сферы Каутский видит законную потребность современного развития; он хочет только устранить приемы, империалистический метод, и, таким образом, вырвать у империализма, у соперничества в вооружениях и у колониальной политики «наиболее зловредное жало».

Но, с другой стороны, если рассматривать вопрос при достаточном свете, то, пожалуй, вовсе и нет никакого империализма: то, что в настоящее время представляется нам таковым, в действительности — либо еще не империализм, либо уже не империализм.

Англия? Но ее колонии были завоеваны «задолго до империалистического периода», а теперь связь с южно-африканскими владениями, с Канадой и Австралией покоится на чистой демократии. Против такого «типа государств», по мнению Каутского, вряд ли можно что-либо «возразить».

Южная Африка, Египет, Алжир и Персия все более и более приближаются к «стадии современной демократии», а потому эти страны «уже не» могут считаться объектами империализма (стр. 54). Россия? Она, конечно, «еще не» может вести империалистическую политику, потому что она сама еще нуждается в импорте капитала. Австрия? Она, собственно говоря, тоже «еще не» может преследовать империалистические цели, так как ей тоже еще самой нужен импорт капитала; вместе с тем она, однако, уже и изжила эти цели: ее «временная» империалистическая тяга к Салоникам «давно уже прекратилась». А ее конфликт с Сербией вовсе не носит империалистического характера. Доказательство: в основе его лежат аграрные интересы, а Сербия, с своей стороны, «еще очень далека от всяких империалистических тенденций», — она находится в стадии «национального государства». Китай? Он также приближается семимильными шагами к «стадии» современной демократии, сиречь национального государства; стало быть, и здесь «всякая империалистическая политика становится невозможной» (о чем, очевидно, и не догадываются ослепленные японцы, не читающие «Neue Zeit»).

Словом, куда мы ни глянем, империализма либо вовсе нет, либо его дни сочтены, потому что везде его вытесняет рост «демократии». Впрочем, а Турция-то как же? Она ведь, бесспорно, была объектом империализма, в особенности германского. Турция даже грозила стать поводом к империалистической мировой войне. Но и здесь как-раз перед началом нынешней войны все было «урегулировано». Война возникла в такой момент, когда «не было налицо ни одного империалистического спорного пункта» (стр. 63).

Если, таким образом, уже до войны империализма вовсе и не существовало, то после войны—это предсказано Каутским еще в сентябре 1914 г. — он тем паче перестанет существовать. «Экспорт капиталов из промышленных государств,—этот источник империализма и, следовательно, конечная причина войны,—прекращается, по крайней мере, на ближайшее время.» Дело в том, что, с одной стороны, перед европейскими промышленными государствами после войны станут «совершенно иные заботы» и им будет не до империализма, а с другой стороны, аграрные государства все больше «освобождаются» от эксплоатации со стороны империализма («Neue Zeit», № 23, стр. 970). Таким образом, весь империализм и, в особенности, нынешняя мировая война представляли собою, если смотреть в корень вещей, «много шума из-за ничего». Как же, в конце концов, возникла война? Да вот, — «только вследствие соперничества в вооружениях и в результате мобилизации...» (стр. 65).

К чему все это жонглерство? спросит читатель. К чему столько благородных усилий для опровержения общеизвестных фактов, о которых в настоящее время воробьи на крышах чирикают? Ответ мы находим у самого Каутского в том месте, где он делает такое открытие: кто «утверждает, что империализм в нынешней стадии капиталистического производства является непременным аттрибутом этого производства», тот «этим самым печется об интересах империалистов, усиливает их духовное влияние на народную массу, а стало быть, и их власть» (стр. 22). Отсюда следует, что Каутский «утверждает» противное. Он «утверждает», что империализм вовсе не вытекает из экономической необходимости, а представляет собою «только вопрос силы», что расширение сферы влияния капитала «лучше всего» достигается не насильственными методами империализма, а «при помощи мирной демократии» (стр. 70). Как просто и понятно! Маркс утверждал, что на известной ступени развития господство капитала представляет собою неизбежную экономическую необходимость общественной эволюции; утверждая это, он, конечно, пекся об интересах капиталистов, усиливая их моральное влияние и их власть. Энгельс утверждал, что акционерные

компании вытекают, как экономическая необходимость, из условий капиталистического производства, и этим он укреплял положение господ акционеров, увеличивал, надо полагать, их дивиденды. Социал-демократия утверждала до настоящего времени, что современный милитаризм представляет собою историческую необходимость, как орудие классового господства капиталистов; стало быть, она действовала в интересах милитаристов, усиливала их влияние и их власть. Все это ясно, как день, и Лассалю, привыкшему «говорить то, что есть в действительности», остается вторично лечь в могилу.

Но только Каутский забывает одно: нас мало утешает, в конце концов, его спасительное открытие, что империализм не является исторически необходимым, а представляет собою «только» вопрос силы. Ведь его «сила» на больших исторических расстояниях точно также является, — как некогда разъяснил Энгельс своему Дюрингу, — экономическим фактором и имеет свои корни в экономически необходимых условиях. Далее, Каутский забывает, что его империалистический «метод», который он хочет отменить, как чисто внешний, безобразный придаток капитализма наших дней, в действительности является для последнего весьма существенным. Говоря о насильственном характере империалистических методов, он видит перед собою только внешний, шумный, воинствующий облик империализма. Он забывает, что более симпатичный ему процесс «мирной» и «демократической» экспансии капитала (железнодорожное строительство и введение товарного обращения в отсталых странах) точно так же, но только бесшумно, сопровождается длительным насильственным разрушением существующей социальной организации, при беспрестанном насильственном вмешательстве со стороны государства. Он совершенно забывает, что и английская свободная торговля, блестящую работу которой в Китае он восхваляет, противопоставляя ее империализму, пробила себе «открытые двери» у Желтого моря при помощи пушек и военных жестокостей, равно как и бесчисленным множеством менее громких актов насилия и обмана на протяжении времени с 1839 по 1900 год. Одним словом, все усилия Каутского провести различие между законным экономическим ядром и отвратительной «насильнической» оболочкой, которую он пытается отделить от капитализма, как нечто случайное, представляют собою чистейший плод кабинетного мудрствования. В обагренной кровью действительности империализм не имеет ни ядра, ни оболочки, — в нем то и другое сливается воедино; экономическая необходимость и приемы насилия идут здесь бок-о-бок, меняясь поминутно местами. То и другое может быть преодолено только путем устранения ка-

питализма. План Каутского цивилизовать нынешний империализм, «демократизировать» его и привить ему мирный характер, вырвать у него «жало», сводится, в конце концов, к чему-то вроде «социалистической» колониальной политики Давида. Слишком уж очевиден утопический характер всех подобных стремлений обрезать тигру когти и убедить его, что ему следует «лучше всего», в его же собственных интересах, питаться медом и овощами. И если можно было удивляться всем этим Давидам, которые измышляли свои мелкобуржуазные утопии за много лет до нынешней войны, то гораздо больше приходится удивляться Каутскому, который в настоящее время, в огне и грохоте великой всемирноисторической, империализмом вызванной катастрофы находит повод к тому, чтобы весело и беззаботно, как юная цикада в траве, распевать свою песенку о «разоружении», о «национальном государстве», о «демократической эволюции» и о «свободной торговле», как о ближайших перспективах капитализма «в его собственных интересах». Ясно, что на основании данных нынешней мировой войны невозможно нарисовать историческую перспективу, более извращенную и более непригодную для того, чтобы дать пролетарию возможность ориентироваться в текущих событиях.

Но у этой странной исторической концепции есть и очень серьезная сторона. Всякому ясно, что пробуждение, поворот к международному классовому сознанию — как в рядах германской социал-демократии, так и в прочих странах — будет совершаться в зависимости от того, насколько быстро рабочие будут освобождаться из-под власти националистического гипноза, в состояние которого они были введены как господствующими классами, так и своими же партийными вождями в период нынешней бойни, — в зависимости от того, насколько они сумеют уяснить себе империалистический характер войны и проистекающие из него для рабочего класса великие задачи. Но вот Каутский как раз в момент разгула националистических оргий разжигателей войны выступает с крайней апологией национализма, выдвигая самым решительным образом националистическую идею, отождествляемую им с «демократическим чувством»; с другой стороны, он окутывает теоретическим туманом империализм, как историческую фазу. А мораль всей этой истории — «мирная программа» социал-демократии, заключающая в себе, наряду с отклонением аннексий, разоружение до половины или до четверти нынешних составов (об этом смотри «Neue Zeit» от сентября 1914 г., стр. 971) и союз европейских государств или таможенный союз с торговыми договорами на основе свободной торговли. Стало быть, опять проекты и рецепты! Вместо активного высту-

пления, вместо классовой борьбы, Каутский считает самой неотложной нашей задачей в нынешней ситуации подавать буржуазному обществу советы относительно того, как ему «лучше всего» устроить свои дела при помощи демократии, свободной торговли и симпатичных небольших оборонительных войн, причем предполагается, что на этом, тихо пылающем историческом огне незаметно доварится и суп пролетариата. А что эти приятные перспективы послевоенного периода, могущие «сменить» империализм и соперничество в вооружениях, он же, Каутский, в «Neue Zeit» от 11 сентября 1914 года, разрисовал, как священный союз «империалистов», т.-е., надо полагать, как нечто противоположное демократии и свободной торговле и, скорее, как эру самой черной реакции, — это, повидимому, нисколько не должно нас смущать. Каутского, повидимому, ничуть не смущает и то обстоятельство, что его союз государств, сиречь таможенный союз, представляет собою не более, как слепок с проектов реакционной таможенной политики, обращенных острием то против Соед. Штатов, то против Англии, — проектов, выдвигавшихся раньше профессором Юлиусом Вольфом и Максом Шиппелем, а теперь неустанно выдвигаемых официальными глашатаями империализма, вроде Лоша, Листа и им подобных.

Каутский в своей брошюре ополчается против «правого крыла» партии, против социал-империалистов. У них он хочет своею исторической перспективою вырвать почву из-под ног. Одновременно с этим, чтобы сохранить свою «центральную» позицию, он не забывает разок-другой размахнуться и по адресу «крайней левой». Он доносит на нее, что она состоит из людей, во-первых, стремящихся «заменить» парламентаризм «массовой забастовкою» *), и во-вторых — желающих противопоставить империализму социализм, «т.-е. не одну только пропаганду социализма, которую мы уже в продолжение полувека противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное его осуществление» (стр. 57). Нам думается, что Каутский оказался бы в немалом затруднении, если бы кто-нибудь самым вежливым образом остановил поток его словоизлияний и попросил бы его не отказать в любезности точно указать, где, когда и кто в партии думал «заменить» парламентаризм массо-

*) «Но эта замена оказывается, если лучше вникнуть в дело, формою примитивной демократии. Это относится и к прямому народному законодательству и к более энергичной разновидности его, к массовой забастовке» (стр. 22). Массовая забастовка — «разновидность» прямого народного законодательства и, в качестве таковой, «форма» поземельной общины! Что за белиберда?

вой забастовской, или назвать чудака, который требует «немедленного осуществления» социализма.

Подобно тому, как Каутский первым открыл травлю против «озорников», начав с первых же дней войны предостерегать от «самочинности» и «критики», как величайших преступлений («Neue Zeit» от 21 августа 1914 г., стр. 846), точно так же он и теперь оказывает выдающиеся услуги правому крылу, изображая в фантастических, нелепых, каррикатурных штрихах взгляды и намерения «озорников».

Еще больше, однако, выдвигаемая им ныне в брошюре и в «Neue Zeit» теория способна облегчить дело социал-империалистов, против которых он хочет бороться, тем, что она сеет в партиях величайшую неразбериху относительно исторической ситуации, ее истинных тенденций и задач рабочего класса. И потому эти пространные теоретические мудрствования опаснее «новых ориентаций» Гейне, Зюдекума, Гениша и им подобных. Эти последние ярко выраженным характером своих выступлений сами в достаточной мере предостерегают от себя, между тем как теории Каутского способны вырвать «жало», — конечно, не у милитаризма и империализма, а у... социал-демократии.

Впрочем, в брошюре Каутского мы находим хорошее заключительное слово. Империалистическому «методу» — говорит он — мы должны объявить «решительную борьбу». «Чем сильнее даст себя чувствовать могучее сопротивление рабочих, тем непреодолимее будут те преграды, которые ставятся здесь капиталу», — тем в большей степени капитал будет оказываться вынужденным, как в формах эксплоатации, так и во внешней политике, итти похвальной демократической стезею и исправляться. Но, как бы там ни было, во всяком случае ясно одно: что «могучее сопротивление» и «непреодолимые преграды» империализму непохожи на нынешнюю линию поведения партийных инстанций и на поведение самого Каутского с момента возникновения войны. Так Каутский в конце своей брошюры обмолвился словом резкого осуждения по адресу официальной тактики социал-демократии. И это его заключительное слово, пожалуй, единственное в его работе, против которого нельзя ничего возразить.

Мортимер.

Грубая попытка обмана.

Генрих Кунов опубликовал «Открытое письмо по поводу внутреннего разлада в партии», снабдив его заголовком: «Не крушение ли партии»? Это «Открытое письмо» представляет со-

бою не что иное, как грубую попытку извратить сущность «внутреннего разлада в партии».

Что касается «крушения партии», то так называемые «озорники» усматривают крушение в том, что партия, бессчетное число раз предсказывавшая с уверенностью империалистическую мировую войну и дававшая себе торжественный обет, в случае возникновения войны, вступить на путь определенной политики, фактически ведет как-раз противоположную политику с того момента, когда война действительно началась. В этом — вся суть «внутреннего разлада в партии», и ее-то Кунов не касается ни единым словом, ни «открыто», ни хотя бы в прикрытой форме. Он морочит своих несчастных читателей, рассказывая им, будто оппозиция негодует потому, что «германская социал-демократия не оправдала надежд, возлагавшихся на нее этими лицами». Нет, товарищ Кунов, «внутренний разлад в партии» возник потому, что официальная политика партии не согласуется с теми требованиями, которые предъявляла к себе сама партия в целом ряде торжественнейших манифестаций, в ясном предвидении грядущих событий.

Извращая совершенно действительность и изображая «озорников» в виде кучки разочарованных в своих иллюзиях субъектов, Кунов выступает против этого фантома с самым устарелым, заржавевшим оружием из практики и теории марксизма. Маркс и Энгельс — видите ли — в годы Коммунистического Манифеста и еще позже представляли себе конец капиталистического способа производства слишком близким, но в 1850 г. они своевременно обнаружили снижение революционной волны; рабочий принадлежит не только к известному классу, но и к определенной нации; нации представляют собою попросту продукт истории и т. д., и т. д. Все это Кунов доказывает с таким жаром, что, под обаянием его доводов, Макс Коген, Макс Грунвальд, Генрих Шульц и Конрад Гениш написали длиннейшие восторженные статьи об этих, самых новейших открытиях. Нас, «озорников», судьба не балует: в наших рядах нет ни одного такого патентованного «марксиста»; а в премудрости Кунова для нас нет ничего нового. Что же касается его положения, что империализм представляет собою исторически необходимую ступень в эволюции капитализма, то этим он бьет не «озорников», а своего собрата по оружию, Каутского, притом разбивает его на голову. (Смотри выше отзыв о последней брошюре Каутского).

Еще один пример несерьезного отношения Кунова к своей работе. В доказательство своего положения, что нации представляют собою «попросту продукты истории», он ссылается на несколько статей «Новой Рейнской Газеты», в которых, как он

утверждает, Маркс объявил южно-славянские национальности Австрии неспособными к историческому развитию. Но автором этих статей является вовсе не Маркс, а Энгельс, что должно было бы быть известно Кунову, если бы он поинтересовался этим вопросом. Вдобавок, у Энгельса это была не научная работа, а резкая отповедь южно-славянским народностям Австрии за услуги, оказанные ими в революционные годы контр-революции, причем Энгельс, по поговорке, выливая из ванны воду, заодно выплеснул и ребенка. А эти народы, между прочим, с тех пор успели доказать свою историческую жизнеспособность. Таким образом, при всей правильности положения, что нации представляют собою «попросту исторические продукты», претендующая на «марксизм» аргументация Кунова оказывается таким же грубым qui pro quo, как и вообще вся его работа.

В общем, он производит впечатление разгневанного слона, врывающегося в открытые двери пустующего помещения. Мы опасаемся, что это зрелище не приведет «озорников» в такое торжественно-умиленное настроение, как Грунвальда и его компанию.

Нг.

СОДЕРЖАНИЕ.